

РЯЗАНСКАЯ

ЕПАРХИАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го іюля 1874 г.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го чиселъ. Цѣна годовому изданію съ пересылкою и доставкою 5 руб., безъ пересылки и доставки 4 руб. 50 коп.

№ 22.

Подписка принимается въ редакціи епархіальныхъ вѣдомостей, при духовной консисторіи, въ Рязани, и у мѣстныхъ благочинныхъ

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

Содержаніе: Отдѣль officialный. Распоряженія и извѣстія по рязанскому епархіальному и духовно-учебному вѣдомству. — Объявленіе.

Распоряженія и извѣстія по рязанскому епархіальному и духовно-учебному вѣдомству.

Рязанская духовная консисторія, во исполненіе своего опредѣленія, состоявшагося 19 марта сего 1874 года по отношенію г. инспектора народныхъ училищъ рязанской губерніи, отъ 19 ноября 1873 года, за № 616, и утвержденного Его Высокопреосвященствомъ 18 апрѣля 1874 г., *вмѣняетъ въ обязанность* всемъ священнослужителямъ рязанской епархіи, занимающимся обученіемъ дѣтей въ сельскихъ школахъ, чтобы они увѣдомляли его, г. инспектора, чрезъ сельскія правленія, о началѣ и прекращеніи учебныхъ занятій въ школахъ, по изъясненной имъ г. инспекторомъ въ его отношеніи надобности въ таковыхъ увѣдомленіяхъ.

Пожертвовано: въ Екатерининскую г. Рязани церковь покойнымъ протоіереемъ сей церкви Іоанномъ Тихомировымъ, по духовному завѣщанію, — 3500 р. съ тѣмъ, чтобы проценты съ 3000 р. шли ежегодно на раздачу бѣднѣйшимъ прихожанамъ означенной

церкви, а съ 500 р. въ пользу причта, за совершение въ день раздачи литургіи о упокоеніи жертвователя и за трудъ составленія вѣдомости и самой раздачи; во Вознесенскую тогожь города церковь ктиторомъ сей церкви, рязанскимъ мѣщаниномъ Теодоромъ Соболевымъ—257 р., на украшеніе разныхъ церковныхъ иконъ; въ соборную Троицкую церковь города раненбурга вдовою каптенармуса Пелагіею Егоровою, по духовному завѣщанію—100 р. съ тѣмъ, что процентами съ сей суммы пользуется причтъ церковный за поминъ жертвовательницы; въ Раненбургскую Петропавловскую пустынь ею же и на тотъ же предметъ—60 р.; въ Симеоновскую г. Рязани церковь настоятелемъ сей церкви, священникомъ Стефаномъ Родосскимъ—2 билета внутренняго займа, каждый во 100 р., первый серіи 01763 № 13, а второй серіи 03944 № 47, съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ по купонамъ ежегодно поступали въ пользу настоятеля съ причтомъ, для вспомошествованія въ содержаніи ихъ и чтобы, въ случаѣ выигрыша по нимъ, три части выигрышнаго капитала, на какую бы сумму онъ ни простирался, поступи въ пользу настоятеля съ причтомъ, для усиленія средствъ содержанія ихъ процентами съ означенныхъ частей капитала, а четвертая въ пользу храма; въ рязанскій Спасскій монастырь вдовою титулярнаго совѣтника Анною Васильевою,—государственный непрерывно доходный билетъ, отъ 1 ноября 1860 г. № 17, 137, въ 280 р., съ обращеніемъ процентовъ съ нихъ въ пользу причта за поминъ ея съ родственниками и ею же въ Екатерининскую г. Рязани церковь на таковую же сумму билетъ, отъ 1 ноября 1860 г. за № 17, 136-мъ, тоже съ обращеніемъ процентовъ въ пользу причта за поминъ ея съ родственниками; въ Воскресенскую г. Рязани церковь, ктиторомъ сей церкви, рязанскимъ 2-й гильдіи купцомъ Василиемъ Силантьевымъ—350 р., на украшеніе церкви; въ Вознесенскую тогожь города церковь прихожаниномъ ея, крестьяниномъ Яковомъ Семеновымъ—облигація московскаго городского кредитнаго общества, Высочайше утверждениаго 30 октября 1862 г., одинадцатаго выпуска за № 99795-мъ, во 100 р. съ тѣмъ, чтобы проценты съ сей суммы обрацаемы были ежегодно въ пользу церковнаго причта, за поминъ его родителей и родственниковъ; въ пронскую Спасскую пустынь помѣщицею Екатериною Васильевою Реткиною—билетъ рязанскаго общественнаго Сергія Живаго банка за № 10864 на сумму 1000 р., съ тѣмъ, чтобы проценты съ означенной суммы употреблялись на нужнѣйшія церковныя потребности; въ ряжскій Благовѣщенскій соборъ женою канцелярскаго служителя Ольгою Хомутскою—50 р., въ пользу церкви; въ церковь села Большихъ Можаръ, сапожковскаго уѣзда, неизвѣстнымъ жителемъ г. Иркутска—200 р; съ тѣмъ, чтобы сумма эта была внесена въ какое либо

кредитное учрежденіе и процентами съ нея пользовался причтъ за поминъ его родственниковъ; въ церковь села Маливы, егорьевскаго уѣзда, астраханскимъ купцомъ Михаиломъ Сіоновымъ—100 р., на сооруженіе новаго иконостаса; въ церковь села Константинова, рязанскаго уѣзда, крестьяниномъ сего села Архипомъ Хрековымъ—960 р., на перелитіе колокола; въ церковь села Озерокъ, ряжскаго уѣзда, прихожаниномъ ея, крестьяниномъ деревни Бахметевой, сапожковскаго уѣзда, Ермолаемъ Самадъловымъ, по духовному завѣщанію, —500 р., на слитіе колокола, и въ церковь села Дмитріевскаго Погоста купцами Дмитріемъ и Степаномъ Дюкиными—1250 р. на устроеніе двухъ серебряныхъ ризъ—на иконы Спасителя и Божіей Матери.

ИНСТРУКЦІЯ

ИНСПЕКТОРУ СЕМИНАРИИ.

(Окончаніе).

В. Обязанности инспектора по отношенію къ физическому воспитанію учениковъ.

§ 19. Обязанности инспектора относительно физическаго воспитанія учащихся состоятъ въ наблюденіи, а) за помѣщеніями учениковъ, б.) за ихъ пищею и одеждою, вообще в.) за ихъ здоровьемъ.

§ 20. Вразсужденіи ученическихъ помѣщеній обязанности инспектора состоятъ съ одной стороны въ наблюденіи, —а.) за казенными помѣщеніями и размѣщеніемъ въ нихъ учениковъ, и б.) за квартирами и размѣщеніемъ въ нихъ учениковъ, а съ другой въ посѣщеніи тѣхъ и другихъ помѣщеній.

а.) Относительно казенныхъ ученическихъ помѣщеній, согласно § 171 сем. устава, на инспектора возлагается обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы помѣщенія эти какъ можно чаще были освѣжаемы воздухомъ, надлежаще отопляемы и освѣщаемы. Равнымъ образомъ онъ долженъ наблюдать за чистотою и опрятностію сихъ помѣщеній, а также и всѣхъ вещей, служащихъ къ употребленію учениковъ.

Для лучшаго выполненія этой обязанности своей инспекторъ постоянно сносится съ экономомъ и почетнымъ блюстителемъ по хозяйственной части. Отъ перваго, какъ лица, обязаннаго по § 79

сем. устава, смотрѣть за исправнымъ состояніемъ семинарскихъ зданій, надлежащимъ ихъ отопленіемъ и освѣщеніемъ, чистотою и опрятностію, инспекторъ, по мѣрѣ надобности, требуетъ, чтобы онъ какъ безотлагательно доводилъ до свѣдѣнія его или ректора о каждомъ поврежденіи въ зданіяхъ семинаріи, съ изложеніемъ соображеній о способѣ исправленія замѣченнаго поврежденія и потребной на то суммѣ, такъ въ частности, лично слѣдилъ, — а.) за своевременнымъ и надлежащимъ отопленіемъ и освѣщеніемъ зданій, не допуская, въ семъ случаѣ, ни излишества, ни недостатка, — б.) за надлежащимъ и болѣе частымъ освѣженіемъ воздуха въ больницѣ и во всѣхъ ученическихъ помѣщеніяхъ, равно какъ корридорахъ, руководясь, въ семъ случаѣ, кромѣ собственныхъ соображеній, совѣтами врача, — в.) за исправностію служителей, на коихъ возложена обязанность содержать въ чистотѣ и опрятности всѣ комнаты и корридоры, а равно и другія помѣщенія въ семинарскихъ зданіяхъ, — и д.) за сохраненіемъ въ цѣлости, чистотѣ и опрятности всѣхъ вещей, служащихъ къ употребленію учениковъ. Что касается до почетнаго блюстителя, какъ лица, имѣющаго главною обязанностію своею содѣйствовать лучшему содержанію семинаріи по хозяйственной части и способствовать ему какъ денежными и другими, по усердію своему, приношеніями — единовременными и постоянными, такъ и наблюденіемъ за семинарскою экономію; то инспекторъ имѣетъ полное право просить его, — а.) по возможности чаще посѣщать, съ указанною цѣлію, семинарію, особенно въ неучебные часы, и при этомъ осматривать жилыя комнаты, больницу, кухню и другія хозяйственныя заведенія по семинаріи, — б.) о замѣченныхъ какихъ либо упущеніяхъ или безпорядкахъ по хозяйственной части своевременно сообщать ему — инспектору, или представлять ректору, — и в.) вообще прилагать дѣятельное попеченіе о содержаніи семинаріи внутри и совнѣ во возможной чистотѣ и надлежащей опрятности.

б.) Въ размѣщеніи учениковъ по комнатамъ и спальнямъ, лежащемъ также на обязанности инспектора, послѣдній, избѣгая помѣщенія въ одинъ номеръ по равному количеству учениковъ старшаго, средняго и младшаго возраста, представляющаго много неудобствъ въ учебномъ и нравственномъ отношеніи, принимаетъ за правило — помѣщать вмѣстѣ только того же класса воспитанниковъ.

в.) Въ отношеніи къ квартирамъ учениковъ инспекторъ имѣетъ обязанностію своею слѣдить за ихъ чистотою и опрятностію, равно какъ за надлежащимъ ихъ отопленіемъ и болѣе частнымъ освѣженіемъ ихъ воздухомъ. Но въ этомъ случаѣ вниманію инспектора могутъ и должны подлежать еще нѣкоторыя другія частности, согласно §§ 177—180 семинар. устава, а именно:

а.) наемъ квартиръ. Въ семъ отношеніи инспекторъ требуетъ отъ учениковъ, чтобы они—1.) занимали квартиры не иначе, какъ съ вѣдома и предварительнаго по то его разрѣшенія, и потому, пріискавъ квартиру, доставляли ему подробныя свѣдѣнія какъ о самой квартирѣ и ея хозяинѣ, такъ и объ условіяхъ, заключенныхъ ими съ послѣднимъ; 2.) въ условія эти, излагаемыя всякій разъ письменно и заключаемыя между хозяиномъ квартиры и однимъ изъ учениковъ, по выбору послѣднихъ, кромѣ другихъ пунктовъ, ограждающихъ интересы учениковъ въ отношеніи къ удобству самой квартиры и къ обезпеченію ихъ прислугой, баней и т. п., вносили и то, чтобы квартирныя помѣщенія были какъ можно чаще освѣжаемы воздухомъ и надлежаще отапливаемы, чтобы чистота и опрятность въ содержаніи какъ самыхъ помѣщеній, такъ и всѣхъ вещей, служащихъ къ употребленію учениковъ, были наблюдаемы со всею строгостію; 3.) прежде заключенія сего рода условій, уполномоченнаго отъ своей квартирной общины воспитанника въ видахъ того, чтобы онъ не оказался впоследствии несостоятельнымъ плательщикомъ домохозяину, снабжали письменными со стороны своихъ родителей или отъ себя обязательствами, исправно, по истеченіи каждой трети года, доставлять слѣдующую съ нихъ сумму для уплаты хозяину квартиры; и 4.) поименованныя условія и обязательства представляли ему—инспектору для свѣдѣнія и храненія, а въ случаѣ возникающихъ жалобъ, и для надлежащаго разбирательства между учениками.

б.) мѣсто нахождения квартиръ. Внушая ученикамъ вообще нанимать квартиры, по возможности, ближе къ семинаріи, у семейныхъ обывателей съ добрымъ именемъ, преимущественно у духовныхъ, инспекторъ, съ другой стороны строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы ученическія квартиры отнюдь не находились близъ мѣсть, которыя могутъ подать поводъ къ соблазну и имѣть вредное вліяніе на учениковъ, каковы, на примѣръ, питейные дома, трактиры, хорчевни и т. п.

в.) размѣщеніе учениковъ по квартирамъ. Не стѣсняя, въ семъ случаѣ, учениковъ, инспекторъ разрѣшаетъ имъ, какъ цѣлою общиной, такъ двумъ и даже одному въ отдѣльности, нанимать извѣстныя квартиры на основаніи сообщаемыхъ ему о нихъ свѣдѣній, и воспрещаетъ квартированіе цѣлою общиной или по одиночкѣ только тамъ, гдѣ видитъ особыя причины, могущія вредно вліять на успѣхи или нравственность учениковъ.

г.) перемѣщеніе учениковъ. Перемѣщеніе учениковъ съ одной квартиры на другую можетъ происходить или по желанію самихъ учениковъ, или по распоряженію инспектора. Въ первомъ случаѣ

оно совершается въ виду тѣхъ или другихъ неудобствъ и вообще по требованію необходимости, не иначе, какъ съ вѣдома и предварительнаго разрѣшенія со стороны инспектора. По непосредственному же распоряженію послѣдняго, перемѣщаются ученики съ квартиръ домохозяевъ, благонадежность которыхъ въ нравственномъ отношеніи, или другихъ, живущихъ съ ними, (лицъ подлежитъ сомнѣнію, равно какъ съ тѣхъ квартиръ, близъ коихъ открыты будутъ мѣста, могущія подавать ученикамъ поводъ къ соблазну, и т. п.

г.) Что касается до посѣщенія казенныхъ и квартирныхъ помѣщеній ученическихъ, то съ обязанностию слѣдить преимущественно за воспитанниками, живущими въ семинарскомъ домѣ, и поручая своимъ помощникамъ болѣе частое (не менѣе двухъ разъ въ недѣлю) посѣщеніе ученическихъ квартиръ, бывать въ послѣднихъ по собственному усмотрѣнію, для проверки наблюдений помощниковъ (выше § 8), инспекторъ долженъ соединять попеченіе о томъ, чтобы тѣ и другія помѣщенія ученическія не оставались безъ постоянного надзора со стороны его и его помощниковъ, — в.) часы посѣщенія квартиръ, производящагося обыкновенно во время вечернихъ занятій учениковъ, по возможности разнообразились, — и г.) воспитатели, лично удостовѣряясь, съ одной стороны, въ благоповеденіи учениковъ, а съ другой — въ благонадежности, въ нравственномъ отношеніи, домохозяевъ и въ ихъ исправности по содержанію квартиръ, дѣлали, въ случаѣ усмотрѣнныхъ опущеній и недостатковъ съ той и другой стороны, надлежащія распоряженія.

§ 21. Въ отношеніи къ содержанію казеннокоштныхъ учениковъ пищею, на инспектора возлагается, сообразно съ § 113 сем. устава, обязанность наблюдать, чтобы пища приготовлялась изъ свѣжихъ матеріаловъ и въ достаточномъ количествѣ.

Для этой цѣли, какъ наблюдатель за физическимъ воспитаніемъ учениковъ, инспекторъ, по возможности, удостовѣряется въ доброкачественности припасовъ и слѣдитъ за пригодностію пищи въ гигиеническомъ отношеніи, наблюдая, чтобы послѣдняя приготовляема была согласно росписанію кушаній, составленному экономомъ и утвержденному ректоромъ, и чтобы какъ въ приготовленіи, такъ и при подачѣ на столъ кушаній была соблюдаема всевозможная чистота и опрятность.

Для вышеизложеннаго наблюденія, инспекторъ какъ самъ, съ своими помощниками, обязывается ежедневно присутствовать въ семинарской столовой во время завтрака, обѣда и ужина, такъ и отъ эконома требуетъ, чтобы онъ, кромѣ пріема и выдачи повару състныхъ припасовъ, ежедневно и неопустительно присутствовалъ при завтракѣ, обѣдѣ и ужинѣ учениковъ, и наблюдалъ при этомъ

за количествомъ и качествомъ пищи и исправностію повара и прочихъ служителей. Кроме того, по смыслу § 86-го сем. устава, инспекторъ имѣеть право просить почетнаго блюстителя по хозяйственной части, присутствовать при столѣ учениковъ и входить въ ихъ нужды по содержанию пицей.

Завтракъ, обѣдъ и ужинъ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ происходятъ обыкновенно въ семинарской столовой. По этому инспекторъ наблюдаетъ, чтобы столовая непременно была посѣщаемая всеми учениками и чтобы послѣдніе въ точности исполняли, въ этомъ случаѣ, установленныя на сей предметъ правила. Сущность этихъ правилъ заключается въ томъ, что ученики — а.) являются въ столовую не ранѣе назначеннаго времени, а которое обыкновенно возвѣщается звонкомъ, спустя около 10 минутъ по окончаніи классовъ, — б.) идутъ въ столовую чинно — по два въ рядъ и занимаютъ въ ней мѣста въ порядкѣ, указанномъ инспекторомъ, — в.) предъ принятіемъ пищи читаютъ (поочередно) или поютъ молитву, — д.) во время стола — не позволяютъ себѣ ни шуму, ни шалостей, ни разговоровъ, ни небрежнаго обращенія съ столовымъ бѣльемъ и посудой, не посылаютъ за лишними, и добавочными порціями, въ случаѣ же надобности перемѣнить порцію, доводятъ объ этомъ до свѣдѣнія инспектора или его помощника, чрезъ служителя, но сами отнюдь не встаютъ съ своихъ мѣстъ и не отправляются за кушаньемъ въ кухню, — е.) по окончаніи стола, опять читаютъ или поютъ молитву, и всѣ, безъ шума и шалостей, въ порядкѣ — по два въ рядъ выходятъ изъ столовой, — ж.) кроме времени завтрака, обѣда и ужина, равно какъ вечерняго чая, не входятъ въ столовую, въ буфетъ и кухню.

Слѣдя за порядкомъ въ столовой, инспекторъ и его помощники обязуются — а.) внушать воспитанникамъ существующія въ благоустроенныхъ семействахъ правила приличія относительно обращенія съ столовымъ приборомъ, приучая ихъ надлежащимъ образомъ держать ложку, ножъ и вилку, въ порядкѣ и съ уменьемъ пользоваться разливной ложкой и, при накладываньи кушанья на тарелку, не заливать и не пачкать скатертей и т. п., — б.) на мѣстѣ, въ столовой, разрѣшать жалобы учениковъ о неудовлетворительности той или другой, поданной имъ, порціи, и т. п., не требуя, въ семъ случаѣ, отъ учениковъ письменнаго заявленія о ихъ довольствѣ или недовольствѣ пицей, и чрезъ то не представляя повода къ излишней требовательности со стороны учениковъ и къ безпорядкамъ, тѣмъ болѣе, что инспекторъ, или его помощники, при ежедневномъ посѣщеніи столовой, каждый разъ могутъ и должны лично удостовѣряться въ качествѣ поданной ученикамъ пици, — в.) не вводить вновь

существовавшей прежде и за тѣмъ прекращенный «обычай читать за столомъ воспитанниковъ избранныя мѣста изъ Чети—Миней или книгъ духовнаго содержанія, такъ какъ воспитанники, утомленные уроками на четырехъ классахъ, въ теченіе пяти учебныхъ часовъ, и занятые удовлетвореніемъ чисто физической потребности, естественно отвлекающей на это время все ихъ вниманіе отъ предметовъ духовныхъ, не могутъ получить отъ подобнаго чтенія никакой существенной пользы, — и δ.) подвергать взысканію воспитанниковъ, нарушающихъ порядокъ въ столовой или установленныя на сей предметъ, изложенныя въ предъидущемъ пунктѣ, правила. Въ семъ последнемъ отношеніи воспитатели должны избѣгать наказанія учениковъ, поздно пришедшихъ въ столовую, или послѣ общаго стола явившихся въ оную, лишеніемъ блюда или цѣлаго обѣда, какъ взысканія слишкомъ строгаго и несогласнаго съ педагогикой, и замѣнять оное замѣчаніемъ или другимъ взысканіемъ, по усмотрѣнію инспектора.

Относительно содержанія пищи самокоштныхъ учениковъ инспекторъ обязанностію своею имѣеть требовать отъ содержателей ученическихъ квартиръ, чтобы они приготовляли пищу изъ доброкачественныхъ матеріаловъ и содержали учениковъ соответственно получаемой за то платѣ и сообразно съ заключенными между ними и учениками на сей предметъ условіями.

Съ другой стороны, хотя на инспектора и нельзя возлагать выдачу въ каждую ученическую квартиру особыхъ книжекъ для записи прихода и расхода денегъ и съѣстныхъ припасовъ, какъ дѣло обременительное и не относящееся существенно къ обязанностямъ инспектора, тѣмъ не менѣе — въ виду того, чтобы по содержанію каждой квартирной общины ученической не происходило злоупотребленій со стороны завѣдующихъ этимъ дѣломъ выбранныхъ учениковъ, инспекторъ требуетъ, чтобы — α.) для записи прихода и расхода денегъ по своему содержанію каждая квартирная община непременно имѣла приходо-расходную книжку, — β.) книжка сія своевременно и аккуратно ведена была выбраннымъ общиной ученикомъ, ж.) по окончаніи каждаго мѣсяца повѣрялась всею общиной, съ повѣркой наличной суммы и съ учиненіемъ въ томъ надписи на самой книжкѣ, — и γ.) при посѣщеніи квартиръ инспекторомъ или его помощниками, ученики представляли имъ эти книжки для просмотра.

Для вспомошествованія въ содержаніи самокоштнымъ ученикамъ, инспекторъ можетъ по прежнему выдавать имъ заимобразно деньги изъ судной, учрежденной въ іюнѣ 1863 года, епархіальнымъ съѣздомъ, кассы въ 200 рублей, хотя дѣло это собственно должно быть ввѣрено благоразумію и распорядительности членовъ правленія отъ духовенства.

§ 22. Вразсужденіи одежды всѣхъ вообще учениковъ семинаріи инспекторъ обязанъ наблюдать, чтобъ она была, по возможности, однообразной формы. Образцемъ такой формы, служить должна одежда, выдаваемая казеннокоштнымъ ученикамъ, а именно черный суконный сюртукъ и таковыя же брюки и фуражка, а для верхней одежды—драповое черное пальто. Во всякомъ случаѣ инспектору рекомендуется слѣдить, чтобъ одежда не была слишкомъ яркихъ и пестрыхъ цвѣтовъ, а также за тѣмъ, чтобъ она сшита была прилично, по современному общеупотребительному покрою, безъ зрительнаго шегольства, но и не безобразно, и чтобъ соответствовала времени года, въ какое носится.

Особенно относительно одежды и бѣлья казеннокоштныхъ учениковъ инспекторъ обязанъ смотрѣть, чтобъ въ нихъ никогда не замѣчалось недостатка, и чтобъ бѣлье было безотлагательно перемѣняемо въ назначенные сроки, — о чемъ, въ случаѣ нужды, онъ дѣлаетъ напоминаніе эконому, или входитъ съ особымъ представленіемъ въ правленіе.

Инспекторъ обязывается также внушать воспитанникамъ, чтобъ они сами заботились о чистотѣ и опрятности своей одежды, и поэтому требовать, чтобъ они сами чистили свое платье и обувь, и сами же наблюдали за приведеніемъ въ порядокъ своихъ постелей.

§ 23. Обязанности инспектора по отношенію къ здоровью воспитанниковъ заключаются въ неуклонномъ наблюденіи его за исполненіемъ со стороны ихъ всѣхъ гигиеническихъ условій, а съ другой стороны въ принятіи имъ мѣръ къ уходу за ними во время болѣзней.

Въ первомъ отношеніи къ обязанности инспектора относится строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобъ воспитанники надлежащимъ образомъ распредѣляли время занятій, отдохновенія и сна. Общій, въ семъ отношеніи, порядокъ долженъ состоять въ томъ, чтобъ воспитанники — *а.)* вставали въ 6 часовъ утра, а дѣтомъ и раньше, — *б.)* отправлялись спать въ 10 часовъ вечера, и, только въ случаѣ нужды, сидѣли и послѣ назначеннаго срока, впрочемъ не болѣе часу и отнюдь не въ спальняхъ, а въ занятыхъ комнатахъ, — *в.)* во время свободное отъ классовъ и вечернихъ учебныхъ занятій, особенно послѣ обѣда, не ложились спать, въ предупрежденіе чего спальни учениковъ въ теченіе дня должны быть закрыты, — *г.)* въ спальняхъ, освѣщаемыхъ во всю ночь лампами, спали непременно каждый на назначенной ему постели, — *е.)* въ ночное время не отлучались безъ нужды изъ спаленъ, — *ж.)* въ часы, назначенные для сна, не позволяли себѣ никакихъ занятій, также никакихъ шалостей и крику, — *з.)* не принимали на ночлегъ постороннихъ людей, въ каковомъ отно-

шеніи своекоштнымъ ученикамъ, живущимъ на квартирахъ, можно позволять принимать только ближайшихъ родственниковъ.

Для поддержанія тѣлесныхъ силъ воспитанниковъ, инспекторъ дозволяетъ послѣднимъ прогулки, игры и разныя гимнастическія упражненія, равно какъ заботится о соблюденіи ими тѣлесной чистоты.

Прогулки дозволяются на семинарскомъ дворѣ, по особо назначеннымъ для сего на семинарской усадьбѣ, обсаженнымъ разными деревьями, аллеямъ, а также по городу и даже за городомъ, но въ послѣднемъ случаѣ не иначе, какъ въ сопровожденіи одного изъ помощниковъ инспектора или надзирателей. Во время перемѣнъ между классами воспитанникамъ не дозволяется выходить для прогулокъ за предѣлы семинарскаго двора.

Инспекторъ разрѣшаетъ воспитанникамъ всѣ безвредныя, способствующія развитію силъ свойственныя дѣтскому возрасту, игры и садовыя занятія. Находя полезнымъ, въ гигиеническомъ отношеніи, занимать воспитанниковъ этими послѣдними работами, инспекторъ, тѣмъ не менѣе, не долженъ упускать изъ виду, что порученіе каждому, живущему въ семинарскомъ домѣ, ученику обработывать особый небольшой участокъ въ семинарскомъ саду или огородѣ, не представляетъ удобства, какъ обязательная работа, влекущая за собой, въ случаѣ неисполненія оной, взысканіе. По этому, располагая учениковъ къ такого рода занятіямъ, онъ главнымъ образомъ требуетъ отъ эконома, чтобы послѣдній обращалъ постоянное вниманіе на содержаніе въ надлежащей чистотѣ и совершенной опрятности аллей и дорожекъ, назначенныхъ для прогулки учениковъ, равно и всей вообще усадьбы.

Относительно гимнастическихъ упражненій обязанность инспектора состоитъ въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы—*а.*) въ упражненіяхъ сихъ принимали участіе всѣ какъ казеннокоштные, такъ и квартирные, ученики въ назначенные для сего послѣдніе предѣлы обѣдомъ часы по четвергамъ и субботамъ каждой недѣли,—*б.*) упражненія были отнюдь не опасны и на высокихъ снарядахъ производились съ осторожностію,—*в.*) казеннокоштные ученики, для гимнастическихъ упражненій, перемѣняли платье, замѣняя сюртуки, въ коихъ сидятъ въ классахъ, домашними пальто,—и *д.*) для достиженія своей цѣли упражненія совершались, по возможности, подъ наблюденіемъ врача, вмѣстѣ съ особо опредѣленнымъ для того учителемъ. Въ частности, живущимъ въ семинарскомъ домѣ воспитанникамъ инспекторъ можетъ позволять ежедневныя гимнастическія упражненія въ свободные отъ учебныхъ занятій часы, но всякій разъ подъ надзоромъ своего помощника, или, по крайней мѣрѣ, надзирателя.

Что касается до соблюденія учениками тѣлесной чистоты, то

обязанность инспектора, въ семь случаевъ, состоитъ въ наблюдении за тѣмъ, чтобы ученики какъ можно чаще перемѣняли бѣлье, и, для сего, зимой мылись въ банѣ чрезъ каждые 10 дней, а въ лѣтнее время, по возможности, чаще купались. При этомъ разрешая ученикамъ купаться на особо отведенныхъ, по соглашенію съ городскимъ начальствомъ, безопасныхъ мѣстахъ и всегда подъ надзоромъ помощника или надзирателя, инспекторъ воспрещаетъ ученикамъ купаться по одиночкѣ и въ мѣстахъ неизвѣстныхъ.

Наконецъ на инспектора возлагается обязанность заботиться о заболѣвающихъ ученикахъ. Въ семь отношеній вниманію инспектора подлежатъ, съ одной стороны врачъ, а съ другой—воспитанники.

Такъ какъ больница семинарская, въ отношеніи своей помѣстительности, чистоты, отопленія, пищи, одежды и ухода за больными, подлежитъ непосредственному завѣдыванію врача; то отъ послѣдняго инспекторъ, какъ ближайшій наблюдатель за физическимъ воспитаніемъ учениковъ, имѣетъ право требовать, чтобы онъ—*а.*) ежедневно и, по возможности, въ одно время, а въ экстренныхъ случаяхъ по первому каждый разъ требованію, посѣщалъ семинарскую больницу для леченія больныхъ и осмотра заболѣвающихъ,—*б.*) надзиралъ за чистотой и порядкомъ въ больницѣ, а также наблюдалъ съ своей стороны по семинаріи, все ли, касающееся помѣщенія, содержанія и вообще образа жизни воспитанниковъ, соответствуетъ охраненію здоровья,—*в.*) всѣ замѣчанія и соображенія по своей части временно сообщалъ ему—инспектору, или представлялъ ректору,—*г.*) выздоравливающихъ учениковъ безъ нужды не оставлялъ въ больницѣ и не позволялъ никому безъ особаго разрѣшенія входить въ больницу и передавать что либо больнымъ ученикамъ,—и *е.*) о всѣхъ вообще поступающихъ въ больницу и выходящихъ изъ нея, равно и о слабыхъ и безнадежныхъ больныхъ немедленно доставлялъ ему—инспектору свѣдѣнія; для соответственныхъ распоряженій.

Относительно больныхъ воспитанниковъ обязанности инспектора сводятся къ наблюдению за тѣмъ, чтобы—*а.*) при первыхъ признакахъ болѣзни, занемогшій ученикъ отправлялся въ больницу, а не оставался дома,—*б.*) увольняемые только для совѣта съ докторомъ записывались въ больницѣ въ особую книгу и потомъ, если не будутъ найдены докторомъ настолько больными, чтобы не быть въ классѣ, опять возвращались въ классъ,—*в.*) больные, желающіе лечиться дома, отправлялись туда въ тѣхъ только случаяхъ, когда, по признанію врача, болѣзнь требуетъ домашняго леченія, когда родители или родственники принимаютъ на себя отвѣтственность за здоровье больного,—и *г.*) въ видахъ предохраненія себя отъ болѣзней, ученики запасались теплой одеждой и безъ нея не рѣшались

просить себя отпускъ на зимніе каникулы (жур. духовно-учебн. комит. 1871 г., стр. 28—38; 104—107, п. 30—41).

§ 24. Кромѣ собственно воспитательныхъ обязанностей, на инспекторъ лежатъ слѣдующія еще обязанности:

а.) Помагая ректору въ наблюденіи за точнымъ исполненіемъ всѣхъ правилъ устава и принятаго въ семинаріи порядка, онъ имѣетъ право дѣлать всѣмъ вообще, служащимъ въ семинаріи, должностнымъ лицамъ напоминанія въ случаѣ чьей либо неисправности, а при недѣйствительности этихъ напоминаній, доводитъ о томъ до свѣденія ректора.

б.) Всѣ постановленія семинарскаго правленія, касающіяся учениковъ, онъ объявляетъ послѣднимъ при посредствѣ секретаря.

в.) Онъ подписываетъ, съ вѣдома ректора, исходящія изъ правленія бумаги.

г.) въ случаѣ отсутствія или болѣзни ректора, онъ исправляетъ его должность.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

Присланы въ редакцію Рязанскихъ епархіальныхъ ведомостей на голодающихъ самарцевъ деньги: чрезъ благочиннаго, зарайскаго соборнаго протоіерея Михаила Ремезова—30 р.; михайловскаго уѣзда, села Мотовилова священника Іоанна Бѣльева—3 р.; тогожъ уѣзда, села Поливанова священника Іоанна Гилярова—10 р.; тогожъ уѣзда, села Лужковъ помощника настоятеля, священника Аѳанасія Никольскаго—14 р.; рязанскаго уѣзда, села Ущмора священника Павла Филатова—24 р.; ряжскаго уѣзда, села Лубянокъ священника Василия Асписова—60 р. 41 к.; сапожковскаго уѣзда, села Телятйковъ священника Іоанна Екатеринина—52 р., и зарайскаго уѣзда, села Карина священника Михаила Ракитина—6 р.; всего же сто девяносто девять рублей сорокъ одна копейка въ редакцію получены и по назначенію отосланы.

Редакторъ, Каѳедральный Протоіерей Харалампій Романскій.

Печатать дозволяется. Цензоръ, Протоіерей Димитрій Правдинъ.
Въ типографіи рязан. губер. правленія.

АРХИЕПИСКОПЪ

КАЗАНСКИМЪ

ЕПАРХИАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

№ 22.

Содержаніе: Слово въ четвертую недѣлю по Пятидесятницѣ. — Чтенія по Исторіи христіанской Церкви. (Продолженіе). — Св. пророкъ Давидъ (Продолженіе).

СЛОВО

ВЪ ЧЕТВЕРТУЮ НЕДѢЛУ ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

И рече Иисусъ сотнику: иди, и якоже вѣровалъ еси, буди тебѣ: и исцѣль отрокъ его въ той часъ.

Мѣ. VIII. 13.

Такъ велика сила вѣры! Сотникъ, блуждавшій во тмѣ язычества, но, проникнутый и одушевленный крѣпкою и живою вѣрою, достигъ того, что Господь не только исцѣлилъ слугу его, но и поставилъ его примѣромъ и образцемъ вѣры среди невѣрія іудеевъ: *аминь глаголю вамъ, сказалъ Онъ къ окружающимъ, ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ*. Не дѣйствительно ли должна быть вѣра въ человѣкѣ облагодатствованномъ, призванномъ и усыновленномъ для царствія Божія? Отчего же, бр., не всѣ изъ насъ испытываютъ животворные плоды и дѣйствія своей вѣры? Отчего, по вѣрѣ нашей, не всегда бываетъ намъ? Оттого, что мы, хотя и вѣруемъ, но вѣруемъ не истинною и совершенною вѣрою, — оттого, что намъ кажется только, будто-бы мы содержимъ живую и спасительную вѣру, а на самомъ дѣлѣ далеки еще отъ нея. Что же значитъ истинно вѣровать?

Истинно вѣровать не значитъ только принадлежать къ святой пра-

вославленной Церкви и исполнять ея уставы, — не значить также знать только истины вѣры, содержать ихъ въ умѣ и памяти, и, по силѣ, разумѣть оныя. Несомнѣнно, что знать и правильно понимать истины вѣры необходимо для вѣрующаго; иначе, какъ и чтить Бога, не зная его? Ап. Павелъ пишетъ: *како увѣрують, въ Бога, Еюже не услышаша? Тѣмъ-же убо,* продолжаетъ апостоль, *вѣра отъ слуха, слухъ же отъ глаголомъ Божиимъ.* (Римл. X. 14. 17.). Но, знаніе ученія христіанскаго еще не есть самая вѣра, а только первая ступень къ вѣрѣ. Можно умомъ и устами исповѣдывать Господа, и въ то же время сердцемъ, волею, дѣлами отвергаться и не вѣдать Его. И зеркало отражаетъ въ себѣ прекрасные виды и предметы, тѣмъ не менѣе оно само остается холоднымъ и неподвижнымъ. Возвышенный умъ и высреннія созерцанія истины не составляютъ еще полноты жизни духовной, если не согласуется съ ними наше сердце. Можно обтекать умомъ высоты и глубины вселенной, и въ то же время пресмыкаться страстію долу, среди похотей прелестныхъ. Истинная вѣра есть живая, несомнѣнная, никогда не охлаждаемая и ничѣмъ не измѣняемая увѣренность въ бытіи Бога, его божественныхъ свойствахъ и дѣйствіяхъ. Она есть непрестанное богоговѣнное памятованіе о Богѣ, непрестанное возношеніе къ нему ума и сердца. Она есть не знаніе только, а вмѣстѣ живое и прячее принятіе истинъ божественныхъ, сердечное усвоеніе всего того, что Богъ чрезъ едиnorodнаго Сына своего благоволилъ открыть намъ и совершить для нашего спасенія. Послушайте, какъ в. ап. Павелъ опредѣляетъ истинную вѣру: *аще исповѣси усты твоими и вѣруеши въ сердце твоемъ, спасешися,* или: *сердцемъ свруется въ правду* (Римл. X. 2—10.), т. е. вѣра спасающая и оправдывающая не знаніемъ только выражается, но вмѣстѣ и главѣйшимъ образомъ исходитъ изъ сердца, какъ изъ основнаго источника, подобно тому, какъ дерево вырастаетъ изъ своего корня. Умъ или знаніе и сердце въ отношеніи къ вѣрѣ тоже, что семя и еплота въ отношеніи къ растенію; не растетъ растеніе при одномъ вѣтѣ, а необходима и теплота, оживляющая и согревающая его: такъ и вѣра зиждется и преуспѣваетъ въ насъ при совмѣстномъ участіи ума и сердца. Одинъ умъ, не согреваемый сердцемъ, не вѣдко доходитъ до горькихъ заблужденій. Кто вѣритъ умомъ, тотъ знаетъ, что Богъ единъ есть; а кто вѣритъ и сердцемъ, тотъ не только увѣренъ въ бытіи Божіемъ, но и предзрѣваетъ Господа предъ собою выну и повергается предъ Его величествомъ въ чувства глубокаго богоговѣнія. Кто вѣритъ умомъ, тотъ знаетъ, что Богъ вездѣ и о всемъ промышляетъ; кто вѣритъ и сердцемъ, тотъ проникнуть всегда святыми и смиренными чувствами вездѣ присут-

ствія Божія, представляетъ себѣ его всевидящее око и при тайномъ, и при явномъ совершеніи дѣлъ своихъ, исполняется крѣпкаго на него упованія среди всѣхъ обстоятельствъ и случаевъ жизни, лобызаетъ руку Его, милующую и наказующую. Вѣра есть союзъ чело- вѣка съ Богомъ; а возможенъ-ли союзъ и между людьми безъ искренняго и живаго участія сердца? Такъ, вѣра при одномъ знаніи, безъ сердца, суха, безжизненна, неодушевлена, или, иначе, мерт- вая вѣра; а по—тому такая вѣра и не приемлется Богомъ, которому подобаеъ поклоненіе искреннее и чистосердечное, поклоненіе ду- хомъ и истинною *Синъ люди, Онъ Самъ произноситъ судъ свой на вѣрующихъ и поклоняющихся Ему безсердечно, устнами чтутъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене; всуе же, т. е. на прасно, тщетно, чтутъ Мя.*

Вѣра, живущая въ сердцѣ, не можетъ быть безъ дѣлъ. Въ томъ- то и состоитъ величайшее зло нашей холодности къ вѣрѣ, что съ нею неразрывно сопряжена лѣньность къ добрымъ дѣламъ. Ибо, какъ преклонить выю подъ иго Христово, когда не чувствуешь, что оно легко и благо? Какъ подчинить себя заповѣдямъ Господа, когда не сознаешь, что они *вождедльнны паче злата и камене честна многа, и слаждшия паче меда и сота* (Пс. XVIII 11)? Кто имѣеъ ды- ханіе—дышетъ, даръ слова—говоритъ, жизнь—движется и дѣй- ствуетъ. Вѣра, посажденная въ глубинѣ сердца, не можетъ не обнаруживаться и не свидѣтельствоваться дѣлами. Слово Божіе и от- вергаетъ совершенно бытіе вѣры безъ дѣлъ; называетъ ее *мертвосою* безъ нихъ. Когда мы хотимъ произнести сужденіе о какомъ—либо чело- вѣкѣ, то обыкновенно смотримъ на его дѣла, на его поведеніе. Такъ должно судить и о вѣрѣ. Можно-ли почитать истинно-вѣрую- щимъ того, кто совершаетъ дѣла, возможные только для не имѣю- щаго вѣры? Кто истинно вѣруетъ въ Бога, тотъ напр. знаетъ, что должно благоговѣть предъ Нимъ, исполнять Его святая заповѣди, любить Его больше всего, а ближняго, какъ самого себя. А если чело- вѣкъ не показываетъ на дѣлѣ ничего подобнаго, то истинно-ли вѣрующій онъ? не напрасно-ли только носить имя вѣрующаго? *Бога исповѣдующіе въдыти, а дѣлы отмещущіеся Его, по слову апостола, мерзцы и непокоривы и поставляются имъ наравнѣ съ невѣрными* (Тит. I. 15—16). Ты говоришь, что вѣруешь: *по пока- жи ми вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ?* вопрошаетъ ап. Іаковъ, — *и азъ тебѣ покажу отъ дѣлъ моихъ вѣру мою.* (Іак. II. 17). Ты вѣруешь въ святость заповѣдей Божественныхъ, ихъ непреложность и спаситель- ность: но вспомни, сколько разъ оскорблялъ ты Бога и дѣлами, и словами, и мыслями?—сколь нерадивъ въ исполненіи обязанностей, которыя Богъ заповѣдалъ тебѣ, и сколь упоренъ, ходя по путямъ,

которые Онъ возбранилъ тебѣ?—сколько разъ давалъ ты обѣты исправить и перемѣнить жизнь твою,—и нарушалъ ихъ? Дѣла суть плоды вѣры: какъ дерево познается отъ плодовъ его, такъ и вѣра познается отъ дѣлъ. *О семъ, бр., разумь, яко познахомъ Бога и вѣруемъ въ Него, аще заповѣди Его соблюдаемъ* (Іоан. II. 3.) Но, съ другой стороны, должно замѣтить, что и самыя дѣла наши, по—видимому, добрыя и богоугодныя, не всегда бывають спасительны для насъ, именно—когда они совершаются не отъ вѣры и безъ вѣры. Имѣють-ли какой вѣсь слова, сказанныя безъ мысли—поступки, совершенныя безъ дѣли и сознанія? Не то же ли самое должно сказать и о дѣлахъ не проникнутыхъ и не одушевленныхъ вѣрою? Не то же-ли они самое, что трупъ безъ жизни,—вѣтви, оторванные отъ своего корня? Кто истинно служитъ Богу и своими дѣлами старается угождать Ему, возможно-ли, чтобы эти дѣла его не согрѣты были вѣрою въ Бога, и чтобы вѣра въ Бога не была основнымъ ихъ корнемъ, исходнымъ ихъ началомъ и побужденіемъ? Иначе, если дѣла его будутъ истекать не отъ вѣры въ Бога, то какъ же они могутъ быть угодны Ему? Онъ, значить, только видѣ дѣлаеть, что работаетъ для Бога, а въ сердцѣ и мысляхъ вовсе не имѣеть того, или имѣеть другое? Значить, дѣла его или совсѣмъ безцѣльны и потому безплодны, или только—наружный обманъ? Поэтому, апостолъ заповѣдуетъ, что *безъ вѣры невозможно угождать Богу* (Евр. XI. 6), и *всяко, еже не отъ вѣры, не только ничтожно предъ Богомъ, но и грѣхъ есть*. (Римл. XIV. 23). Такъ, дѣла, по—видимому, добрыя, но совершаемыя или по гордости, или по тщеславію, или по корыстолюбію, или изъ лицемерія, не суть добрыя дѣла, а тѣже самыя грѣхи—таже гордость, то же тщеславіе, та же корысть, то же лицемеріе. Такъ, иные избѣгаютъ разныхъ пороковъ, оказываютъ любовь къ ближнимъ, милосерды, и вообще дѣлають дѣла, какихъ требуетъ вѣра, но самой вѣры не имѣють, только въ глазахъ другихъ хотять казаться людьми честными и благочестивыми, удаляются отъ пороковъ изъ одного внѣшняго расчета и благоприличія: всѣ такія дѣла, какъ совершаемыя не для Бога, не изъ любви къ Богу, не имѣють никакой цѣны въ очахъ Божіихъ и даже оскорбительны для Него. Ап. Павелъ, отъ собственнаго примѣра поучая вѣрѣ дѣятельной, говоритъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, течение скончахъ, и вѣру соблюдохъ* (2 Тим. IV. 7—8), и, внушая, что такая только вѣра оправдится предъ Богомъ, прибавляетъ въ заключеніе: *пророчее убо соблюдается мнѣ вънецъ правды, его-же воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія!*

Такая-то вѣра, т. е. исходящая изъ сердца и сопровождаемая

дѣлами, есть истинная, совершенная. Она есть вѣра живая: ибо дѣйствительно живетъ и дѣйствуетъ въ человѣкѣ, а не остается однимъ безплоднымъ знаніемъ, однимъ холоднымъ расположеніемъ души. Она есть вѣра спасительная; ибо, отрѣшая человѣка отъ земнаго, прилѣпляетъ къ одному Богу и обогащаетъ его плодами добрыхъ дѣлъ. Она есть вѣра чудодѣйственная, могущая, по слову Господа, и горы преставляти; ибо чего не возможетъ человѣкѣ, споспѣшествуемый благодатию Божіею, которая обильно изливается въ сердце вѣрующаго, отверстое его безпрекословнымъ, сыновнимъ послушаніемъ волѣ Божіей? Она счастливитъ человѣка и поддерживаетъ его среди всѣхъ превратностей и смущеній въ жизни. Такъ, много тревожатъ день и ночь безпокойныя сомнѣнія въ святѣйшихъ истинахъ вѣры и нравственности: чѣмъ болѣе думаетъ о нихъ, чѣмъ болѣе старается изслѣдовать; тѣмъ темнѣе становится для него предметъ, нестройнѣе его мысли; ни книги, ни разговоры съ другими—ничто не помогаетъ ему. Но, вотъ онъ съ вѣрою прибѣгаетъ къ Богу: *Господи! открий очи, да разумлю чудеса отъ закона твоего! Просвѣти мое сердце, еже помрачи лукавое похотѣніе!* и мракъ разсѣвается въ душѣ его,—онъ зреть свѣтъ во свѣтѣ неприступномъ. На много, среди житейскихъ нуждъ и тревоженій, нападаютъ временемъ грусть и тоска, такъ что самая жизнь становится ему въ тягость; ни родство, ни дружба не сильны утѣшить его: но вотъ онъ возводитъ очи свои на небо, и изливаетъ душу свою въ молитвѣ, и небесная отрада нисходитъ въ его сердце. Иной, потерпѣвъ жестокія обиды отъ недруговъ, въ первыя минуты предается яростному гнѣву; онъ забываетъ все, рѣшается на все. Но вотъ раздраженный страдалецъ подходитъ къ изображенію распятаго Господа, взираетъ на язвы и кровь Его, приводитъ на память молитву, произнесенную Имъ на крестѣ,—молитву любви, прощающей убійцамъ: *Отче! прости имъ: не вѣдѣтъ бо, что творятъ!*—и, этою Божественною молитвою тронутый и умиленный до глубины, повергается къ подножію Искупителя, лобызая мысленно враговъ и забывая всѣ обиды. Иной, испытавъ удары невыносимыхъ бѣдъ, лишенный мѣста и достоянія, оторванный отъ присныхъ сердцу и покинутый всѣми безъ помощи, призрѣнія и утѣшенія, впадаетъ въ мрачное отчаяніе и ищетъ себѣ отрады въ своей гибели: что было-бы съ несчастнымъ страдалцемъ, еслибы не поспѣшила къ нему на помощь благодатная дщерь неба—св. вѣра? Посланная свыше, она, подобно дождевой каплѣ, прохладждаетъ его подавленную душу, вооружаетъ крестнымъ знаменіемъ,—и, подкрѣпленный свыше, онъ съ терпѣніемъ покоряется волѣ Божіей и оживляется надеждою на всенеоставляющій промыслъ. Или, напр., про-

читите больному, цѣлые годы безпомощно стелящему на страдальческомъ одрѣ, самую краснорѣчивую главу о перенесеніи тѣлесныхъ болѣзней, скажите въ утѣшеніе человѣку невинному, ставшему жертвою людской клеветы, что рано или поздно невинность его откроется къ стыду его обвинителей, отцу и матери, лишившимся единственнаго сына, что смерть есть зло неизбежное въ мѣрѣ, что слезы и рыданія въ настоящемъ случаѣ бесполезны. Все эти увѣщанія и утѣшенія закроютъ-ли раны сердце, злополучіемъ пораженныхъ? *Какъ утѣшаете мя суетными?*—говорилъ Іовъ друзьямъ своимъ, пришедшимъ утѣшить его (Іов. XXI. 34). Все ваши слова, кажущіяся вамъ премудрыми, нисколько не облегчаютъ моей скорби: *не обрѣтаю въ васъ истины*. Нищій, безчадный, покрытый съ ногъ до головы гноемъ, если я имѣю твердость безопотно нести бремя золь, меня удручающихъ, то этимъ я обязанъ не вашимъ совѣтамъ; меня укрѣпляетъ въ томъ вѣра, что все теперешнія бѣдствія мои произошли единственно по волю Божіей: *отъ Господа ми сія совершишася!*

Насадимъ и утвердимъ, бр., въ сердцахъ нашихъ эту живую и совершенную вѣру, не устами только исповѣдуемую, но всею душою содержимую и дѣлами оправдываемую, — и тогда по вѣрѣ нашей все будетъ ми превзбудеть намъ. Немощи наши препятствуютъ намъ въ достиженіи и неослабномъ содержаніи такой вѣры? будемъ чаще и чаще обращаться съ молитвою къ начальнику и совершителю вѣры, Господу Іисусу, и Онъ приложитъ намъ вѣру, умножитъ и укрѣпитъ ее; ибо Онъ самъ говоритъ просящимъ у Него: *всякъ просяй, приимлетъ, и щай обрѣтаетъ!* Аминь.

Н. Л.—вг.

ЧТЕНІЯ ПО ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

(Продолженіе *).

ЧТЕНІЕ СОРОКЪ ПЯТОЕ.

Исторія Церкви православно-каатолической (1454-1874 г.).

Вывшее состояніе Церкви подъ игомъ турецкимъ.

Взятіе Константинополя турками и паденіе Византійской имперіи.

Съ началомъ XVII вѣка отношеніе турецкаго правительства къ Церкви нисколько не измѣнилось, или, если измѣнилось, то къ худшему. Турція, еще въ концѣ XVI в., вошла въ близкія сношенія съ западною Европою и преимущественно съ безнравственною и своекорыстною Венеціанскою республикою. Это сближеніе отозвалось на туркахъ весьма невыгодно въ нравственномъ отношеніи; между ними въ громаднѣхъ размѣрахъ развились корыстолюбіе, продажничество, страсть къ нѣгѣ и роскоши. Отсюда на всѣ послѣдующіе вѣка пошла страшная неурядица во всѣхъ отправленияхъ государственной жизни Турціи. Султаны являются предъ нами, по большей части, корыстолюбивыми, сладострастными, трусливыми и дѣйствительными деспотами; великіе визири, управляющіе отъ ихъ имени государствомъ, употребляютъ свою власть только на то, чтобы продавать чиновничьи мѣста, угнетать и грабить народъ; паша дѣлаютъ тоже въ вѣрренныхъ имъ областяхъ и, не чувствуя надъ собою сильной правительственной руки, весьма часто возмущаются противъ правительства и объявляютъ себя независимыми; всѣ вообще турецкіе чиновники, при отсутствіи правительственнаго жалованья, торгуютъ законами и справедливостію, заботятся объ удовлетвореніи своей алчности къ золоту и выжимаютъ послѣдніе соки изъ жителей; въ войскахъ дисциплина упала, — янычары почти постоянно производятъ бунты, грабежи и убійства. Вообще въ XVII и XVIII вѣкахъ турецкое правительство представляется страшно деморализованнымъ. При такомъ правительствѣ на долю христіанскихъ подданныхъ Турціи выпадало только одно угнетеніе. Къ этому

*) См. № 20-й сего 1874 г.

нужно прибавить еще, что турецкое правительство могло безнаказанно угнетать христіанъ, такъ какъ турки въ XVII столѣтіи, или еще въ XVI, начали играть свою роль въ системѣ политическаго равновѣсія Европы и, потому, не слишкомъ опасались заступничества за христіанъ со стороны европейскихъ государствъ. — Нѣтъ нужды говорить объ отношеніи къ христіанамъ турецкаго правительства при каждомъ султанѣ въ отдѣльности въ XVII и XVIII вѣкахъ; мы встрѣтимся съ тѣми же явленіями, съ какими встрѣчались въ XVI вѣкѣ, — съ тѣми же бѣдствіями и страданіями христіанъ. Султаны и въ эти вѣка заявляютъ, по временамъ, дикое желаніе истребить всѣхъ христіанъ. Такъ, *Мурадъ IV* (1623—1640 г.), когда къ Константинополю подступали казаки, рѣшилъ было такое истребленіе, изъ опасенія, чтобы константинопольскіе христіане не присоединились къ нимъ; только благоразумные члены дивана отговорили привести въ исполненіе это рѣшеніе. Тоже было въ 1768 г., когда русскія войска разгромили войска турецкія. Султанъ *Мустафа III* пришелъ въ страшный гнѣвъ и положилъ истребить христіанъ на всемъ пространствѣ своей имперіи, подозрѣвая ихъ въ сочувствіи къ Россіи. Представленія патріарха Самуила и знатныхъ грековъ, подкрѣпленныя подарками приближеннымъ султана, отвратили угрожающую опасность. — Также, какъ и прежде, деспотически и насильственно обращаются султаны или ихъ визири съ константинопольскими патріархами, — безъ всякаго суда низлагаютъ ихъ, ссылаютъ въ заточенія, а нѣкоторыхъ даже умерщвляютъ. Такъ въ XVII вѣкѣ патріархъ Кириллъ Лукарьскій, по приказанію Мурада IV, нѣсколько разъ былъ ссылаемъ въ заточеніе и, наконецъ задушенъ (1638 г.); патріархъ Кириллъ Контарисъ также задушенъ (1639 г.); патріархъ Парѣеній III, по приказанію великаго визиря, былъ удушенъ (1657 г.). Последняго греко-восточная Церковь ублажаетъ какъ священномученика. Низложенія же и заточенія патріарховъ въ XVII и XVIII вѣкахъ были постоянныя. Было время (съ 1622 по 1700 г.), когда, въ продолженіе 77 лѣтъ, на константинопольскомъ патріаршемъ престолѣ смѣнилось 48 патріарховъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ по два, по три и даже по пяти разъ были возводимы на этотъ престолъ и низводимы. Вообще было рѣдкимъ явленіемъ, когда патріархъ умиралъ, занимая патріаршій престолъ. Правда, греческіе архіереи своими интригами часто давали поводъ турецкому правительству такъ произвольно распоряжаться патріаршимъ престоломъ, но чаще турецкое правительство само, по своимъ видамъ, низлагало и заточало патріарховъ. Причина низложенія была всегда одна и таже — корыстолюбіе турокъ. Понадобятся султану или великому визирю деньги, — они низлагаютъ

одного патриарха и ставят на мѣсто его другаго, который по обычаю, вноситъ пескезий; не внесетъ патриархъ обычной ежегодной подати, — его низлагаютъ, заключаютъ въ тюрьму и ставятъ другаго, съ которымъ повторяется таже исторія; отправится патриархъ, съ дозволенія турецкаго правительства, въ Россію для сбора пожертвованій, — его, по возвращеніи, обвиняютъ въ измѣнѣ, низлагаютъ и отбираютъ имущество и т. п. Поступая такимъ образомъ съ патриархами, турецкое правительство довело патриаршеское достоинство до крайняго униженія; должность патриарха сдѣлалась обыкновенною должностію чиновника, назначаемаго и увольняемаго правительствомъ. О жалованьѣ отъ казны патриархамъ, которое назначилъ имъ Магометъ II, теперь не было и рѣчи. Оно не существовало и прежде. Въ XVII в. турецкое правительство сдѣлало унижительнымъ для патриарховъ и самый порядокъ назначенія и утвержденія ихъ. Прежде вновь избранный или назначенный патриархъ лично представлялся султану и отъ него принималъ знаки утвержденія въ своемъ достоинствѣ. Но въ 1657 г. такое представленіе было отменено, и утвержденіе патриарховъ предоставлено великому визію. Такой порядокъ существовалъ до самыхъ позднѣйшихъ временъ — Въ вообще восточные христіане испытываютъ въ XVII и XVIII в. в. такія же насилія и жестокости со стороны турокъ, какія испытывали и прежде. Янычары, по прежнему, во время возмущеній, прежде всего нападаютъ на христіанъ. Такъ въ 1730 гду бунтовавшіе янычары напали на константинопольскую патриархію и потребовали отъ патриарха Писисія II большую сумму денегъ. Не получивъ ея, они ворвались въ храмъ, изрубили въ куски мощи, вылили св. миро, попирали ногами св. дары, уничтожили мѣсто иконъ и т. п. Отъ янычаръ не отставала и турецкая чернь, преследуемая муллами и улемами. Взрывы фанатической черни противъ христіанъ на всемъ пространствѣ обширной Турецкой имперіи въ XVII и XVIII в. в. были весьма часты и всегда сопровождали страшнымъ избиеніемъ христіанскаго населенія. — Гражданскія права христіанъ въ XVII и XVIII в. в. стѣсняются и ограничиваются всё болѣе и болѣе; сравнительно съ турецкимъ населеніемъ, населеніе христіанское является совершенно *безправнымъ*. Христіан платятъ тяжелыя и невыносимыя подати, тогда какъ турки или не платятъ совсѣмъ податей, или платятъ весьма умѣренныя. Службъ военная и гражданская для христіанъ закрыта. Турецкое правительство смотрѣло на христіанъ, какъ на рабовъ, не имѣющихъ права, по восточнымъ обычаямъ, носить оружія, и потому не до пускало ихъ до военной службы. Только на службу во флотъ до пускались христіане, именно жители острововъ архипелага, какъ

хорошо знакомые съ морскимъ дѣломъ, но и здѣсь имъ не давали важныхъ должностей. Правда съ конца 60-хъ годовъ XVII столѣтія греки стали занимать при турецкомъ дворѣ должность *драгомановъ* и не рѣдко приобрѣтали большое значеніе въ правленіи дѣлами по сношеніямъ съ чужестранными государствами, но только на эту должность и назначались греки и при томъ изъ немногихъ знатныхъ греческихъ семействъ. Эти греки известны подъ именемъ *фанаріотовъ* (1). Вообще же греки — христіане не допускались ни къ какимъ правительственнымъ должностямъ. Но самымъ главнымъ стѣсненіемъ для грековъ въ гражданскомъ отношеніи было то, что они лишены были права свидѣтельствовать предъ судомъ противъ мусульманъ. Спорныя дѣла между христіанами разбирались, обыкновенно, духовными лицами, но если христіанинъ имѣлъ дѣло съ мусульманиномъ, то въ такомъ случаѣ оно разбиралось турецкимъ судомъ — кадіемъ. На судѣ у кадія показаніе и свидѣтельство христіанина одного или нѣсколькихъ не принималось въ уваженіе, и мусульманинъ, представивши свидѣтелей — мусульманъ, всегда могъ выиграть дѣло, хотя бы и неправое. Стѣсненія простирались даже на мелочныя условія жизни христіанъ. Такъ, ни одинъ христіанинъ не мѣлъ права носить бѣлой или зеленой чапмы; зеленый цвѣтъ, какъ цвѣтъ пророка Магомета, вообще былъ запрещенъ христіанамъ. Для христіанъ головнымъ уборомъ должна была служить только еска. Далѣе ни одинъ христіанинъ не имѣлъ права ѣздить на лошади или верблюдѣ, не имѣлъ права появляться вблизи мечетей и т. п. Всѣ эти мелочныя стѣсненія оскорбляли національное чувство грековъ. Безправность христіанъ среди господствующаго турецкаго племени была такъ велика, что бывали случаи, когда турки, особенно турецкіе чиновники и пашы, безнаказанно лишали ихъ свободы и дѣлали своими рабами. Обращеніе турокъ съ рабами христіанами было самое варварское. — Свобода исповѣданія вѣры для христіанъ страшно была стѣснена. Кромѣ того, что у нихъ отнимали церкви, имъ запрещалось строить ихъ вновь, если въ извѣстной мѣстности населеніе было смѣшанное; въ такомъ случаѣ

(1) Фанаріотами они называются отъ квартала въ Константинополѣ — фанара. Здѣсь, послѣ паденія Константинополя, поселились некоторыя знатнѣйшія греческія семейства, которыя, съ перенесеніемъ сюда же патриархіи, усилились, разбогатѣли и образовали изъ себя особую въ средѣ греческаго населенія аристократическую касту *фанаріотовъ*. Фанаріоты стремились быть представителями греческой націи, часто вмѣшивались въ церковныя дѣла и не рѣдко производили большіе безпорядки на патриаршемъ престолѣ.

дозволялось только починивать старья. Въ мѣстностяхъ же съ исключительно христіанскимъ населеніемъ хотя и дозволялось строить церкви, но самая постройка ихъ соединена была съ величайшими затрудненіями и расходами; турецкіе чиновники всѣми возможными способами старались препятствовать постройкѣ и только значительными подарками можно было умилостивить ихъ. Колоколовъ при церквахъ не дозволялось имѣть, равно какъ и крестовъ на церквахъ. Этого мало, для турокъ ненавистно было самое существованіе христіанъ, и поэтому они употребляли всѣ возможныя мѣры къ обращенію ихъ въ магометанство. Правда, съ 1638 г. подать душъ, съ которою соединено было неминуемое обращеніе христіанскихъ дѣтей въ магометанство, прекратилась, главнымъ образомъ потому, что турки стали завидовать участи, ожидавшей такихъ дѣтей на султанской службѣ, — тѣмъ не менѣе въ XVII и XVIII вѣкахъ насильственное обращеніе христіанъ въ магометанство продолжалось. Тѣ притѣсненія и насилія, которыя испытывали христіане, сами по себѣ служили уже для турокъ средствомъ къ обращенію ихъ въ мусульманство. Гнетъ отъ невыносимыхъ податей, бѣдность, презрительное обращеніе турокъ, соединенное съ оскорбленіями, постоянный страхъ за жизнь, честь, свободу и имущество и т. п. вынуждали христіанъ, не твердыхъ въ вѣрѣ, искать улучшенія своего положенія въ мусульманствѣ. Такимъ образомъ обращалось въ мусульманство весьма много христіанъ какъ изъ среды грековъ, такъ и славянъ. Особенно много было отпаденій отъ христіанской вѣры въ Босніи, Албаніи, Герцеговинѣ и Анатоліи; несчастные отступники подъ давленіемъ безчеловѣчныхъ притѣсненій измѣною своей вѣрѣ часто спасали свою жизнь. Но у турецкаго правительства, кромѣ обычныхъ притѣсненій христіанъ, было въ рукахъ еще другое сильное средство къ обращенію ихъ въ мусульманство. Это — два закона: одинъ, освобождавшій христіанина отъ наказанія, наложеннаго судомъ, даже отъ смертнаго приговора, если онъ заявлялъ желаніе принять магометанство, другой, — опредѣлявшій смертную казнь всякому отступнику отъ мусульманства, или только хулителю его. Приложение этихъ законовъ на практикѣ часто вело за собою совращеніе христіанъ въ магометанство. Первымъ закономъ турки пользовались такимъ образомъ, — обвиняли христіанина въ дѣйствительномъ или мнимомъ преступленіи, назначали наказаніе (турецкіе суды по свидѣтельству даже двухъ только магометанъ могли опредѣлить смертную казнь) и затѣмъ предлагали ему принять мусульманство, чтобы освободиться отъ наказанія. Слабый въ вѣрѣ, обыкновенно, уступалъ такой силѣ и дѣлался отступникомъ. Также пользовались турки и вторымъ за-

кономъ. Христіанина, котораго почему либо хотѣлось туркамъ обратить въ мусульманство, схватывали, приводили къ судѣ и объясняли, что онъ или хулилъ магомета, или общалъ съ дѣлаться мусульманиномъ, или сдѣлался было мусульманиномъ, но теперь опять принялъ христіанство и т. п. За такимъ обвиненіемъ слѣдовало назначеніе смертной казни; избавиться отъ нея можно было только дѣйствительнымъ принятіемъ мусульманства, что и случалось.

Но, не смотря на жестокости и притѣсненія со стороны турокъ, не всѣ христіане, принуждаемые къ отступничеству, дѣлались отступниками. Многіе изъ нихъ претерпѣвали всевозможныя мученія и, оставаясь непоколебимыми, умирали за свою вѣру смертію мучениковъ. Такихъ греко-восточная Церковь, по всей справедливости, почитаетъ какъ святыхъ мучениковъ. Подвиги самоотверженія и терпѣнія этихъ мучениковъ новаго времени не менѣе славны, какъ и подвиги мучениковъ первыхъ вѣковъ христіанства. Ихъ заключали въ оковы, въ темницы, морили голодомъ, подвергали жестокимъ побоямъ и пыткамъ и въ концѣ концовъ или рубили головы, или сожигали на кострахъ, или вѣшали. Вотъ нѣсколько примѣровъ мученичества, изъ которыхъ, между прочимъ, видно и то, къ какимъ средствамъ прибѣгали турки, чтобы обратить кого либо изъ христіанъ въ магометанство ⁽²⁾. Въ 1657 г. въ Смирну случайю прибылъ одинъ христіанинъ *Николай*, по прозванію *Караманъ*. Поссорившись съ кѣмъ-то, онъ въ сильномъ гнѣвѣ высказалъ угрозу, что сдѣлается туркомъ. Турки воспользовались этимъ, привели его къ кадю и сказали, что онъ изъявилъ желаніе принять мусульманство. Но Николай объяснилъ, что онъ никогда не отречется отъ Христа. Тогда кадій приказалъ его бить, заключилъ въ тюрьму, морилъ голодомъ, — Николай всё-таки оставался непреклоннымъ. Наконецъ, его насильно обрѣзали, въ расчетѣхъ, что онъ покорится своей участи и приметъ магометанство; но Николай всё-таки говорилъ, что онъ христіанинъ и туркомъ никогда не будетъ. Опять тюрьма и новыя мучительныя пытки, — но ничто не могло отклонить его отъ христіанской вѣры. Въ заключеніе турки повѣсили Николая и тѣло его бросили въ море. Подобный же случай былъ въ Константинополѣ въ 1672 г. Одинъ христіанскій мальчикъ, по имени *Николай*, по желанію своего отца, учился турецкой грамматѣ у одного турка. Послѣдній, восхищаясь прекрасными способностями своего ученика, захотѣлъ обратить его въ магометанство.

⁽²⁾ См. книгу „Христіанскіе мученики, пострадавшіе на востокѣ со времени завоеванія Константинополя турками.“ Пер. свящ. Соловьева, 1862 г.

Съ этою цѣлю онъ написалъ магометанское исповѣданіе вѣры и, въ видѣ урока, заставилъ прочитать Николая. Бывшіе при этомъ турки сказали Николаю, что онъ теперь магометанинъ, и, когда тотъ отказался сдѣлаться магометаниномъ, представили его кадію. Кадій съ своей стороны убѣждалъ его принять магометанство, обѣщаль ему богатство, заключилъ его въ тюрьму, подвергалъ пыткамъ, — всё напрасно, Николай оставался христіаниномъ. За это онъ былъ осужденъ на усѣченіе мечемъ. Или, вотъ еще случай, бывшій въ 1680 г. Во время одного народнаго праздника, недалеко отъ Константинополя, турки снимали съ христіанъ фески и надѣвали на нихъ свои чалмы. На праздникъ былъ одинъ христіанинъ *Ангелисъ*, на котораго также надѣвали чалму. На другой день турки приступаютъ къ нему и говорятъ, что онъ теперь мусульманинъ, такъ какъ надѣвалъ бѣлую чалму. За отказомъ Ангелиса отъ мусульманства послѣдовали судъ, въ полномъ смыслѣ турецкій, убѣжденія принять мусульманство, тюрьма, пытки и, наконецъ, казнь. — Женщины — христіанки также твердо переносили мученія за свою вѣру и оставались непоколебимыми до смерти. Такъ въ 1725 г. пострадала одна Богобоязненная христіанка *Аргира*, родомъ изъ Бруссы. Она была повѣнчана съ христіаниномъ, но въ то же время имѣла несчастіе понравиться одному турку. Послѣ безуспѣшныхъ стараній пріобрѣсти расположеніе Аргиры, турокъ обвинилъ её предъ судомъ въ обѣщаніи сдѣлаться мусульманкою. Аргира говорила предъ судомъ, что она такого обѣщанія никогда не давала и навсегда останется христіанкою. Её били и заключили въ узы, потомъ опять допрашивали, тиранили и снова заключили въ темницу. Такого рода судъ продолжался надъ нею цѣлыхъ 15-ть лѣтъ. Несчастная умерла въ темницѣ отъ продолжительныхъ истязаній. Подобная же участь постигла въ 1764 году христіанку, дѣвицу *Акилину*. Отецъ ея, убившій въ ссорѣ турка, чтобы избѣжать смертной казни, принялъ мусульманство и хотѣлъ сдѣлать мусульманкою свою дочь. Когда же Акилина не только не послушалась отца, но и объявила, что готова за свою вѣру претерпѣть мученическую смерть, онъ отдалъ её на волю турокъ. Тѣ представили её на судъ кадію, предъ которымъ она также повторила, что никогда не отречется отъ Христа. За это её нѣсколько разъ привязывали къ столбу и били палками такъ жестоко, что весь полъ покрылся кровью и кусками ея истерзаннаго тѣла. Умирающую уже её отравили въ домъ къ матери, которая прежде убѣждала её не отрекаться отъ своей вѣры. Вскорѣ она умерла. — Въ числѣ мучениковъ, почитаемыхъ греко-восточною Церковію, есть, между прочимъ, одинъ, родомъ русскій, по имени *Шавель*, бывшій невольникомъ въ Константинополь, пострадавшій въ 1683 г.

в) при *Махмудъ II* (1808—1839 г.) и *Абдулъ-Меджидъ* (1839—1861 г.). Въ XIX ст. Турція вступила въ новый періодъ своей государственной жизни. До сего времени она смотрѣла на европейское просвѣщеніе съ отвращеніемъ, хотя и находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ европейскими христіанскими государствами; теперь же турецкое правительство начало заявлять стремленіе пересадить европейскую цивилизацію въ Турцію и ввести последнюю въ кругъ европейскихъ государствъ. Но это стремленіе обусловливалось не внутреннею потребностію націи, а соображеніями государственными. Турецкая имперія явно клонилась къ упадку и обнаруживала всѣ признаки близкаго разложенія. Султаны не имѣли ни какой власти и были только игрушкою въ рукахъ страшныхъ янычаръ, возводившихъ и низвергавшихъ ихъ съ престола по своему произволу; паши, управлявшіе отдаленными провинціями, поставляли себя въ независимое положеніе отъ султанской власти; народъ находился въ крайней бѣдности отъ грабительствъ чиновниковъ; янычары только производили бунты и постоянно проигрывали сраженія; многія области Турецкой имперіи во время неудачныхъ войнъ, отошли къ сосѣднимъ государствамъ. Для возстановленія внутренняго и внѣшняго могущества своей имперіи, султаны XIX в. признали лучшимъ средствомъ произвести въ ней нѣкоторыя реформы по европейскому образцу и вступить въ еще болѣе близкія отношенія съ западно-европейскими государствами. Прежде всего имъ нужно было освободить себя отъ гнета янычаръ и улемовъ, ограничивавшихъ ихъ власть до крайности. За это взялся еще *Селимъ III* (1789—1807 г.); онъ хотѣлъ уничтожить корпусъ янычаръ и завести войско сформированное по-европейски, но его предпріятіе не удалось, вслѣдствіе фанатической привязанности турокъ къ старинѣ. Великій муфтіи объявилъ Селима недостойнымъ престола, а янычары низложили его и чрезъ годъ умертвили. *Махмудъ II* (1808—1839 г.) продолжалъ его реформаторскія стремленія. Этотъ окружилъ себя людьми, сочувствовавшими задуманнымъ преобразованіямъ, и, при помощи ихъ, дѣйствительно, произвелъ нѣкоторыя реформы, или, по крайней мѣрѣ, положилъ имъ начало разрушеніемъ старинныхъ формъ турецкой государственной жизни. Такъ, онъ ограничилъ сильное вліяніе на государственныя дѣла великаго муфтіи и улемовъ; уничтожилъ корпусъ янычаръ (1826 г.), хотя и съ страшнымъ кровопролитіемъ; организовалъ на европейскій образецъ войско; сдѣлалъ нѣсколько постановленій, направленныхъ противъ старо-турецкаго варварства, напр. отменилъ (1826 г.) законъ о правѣ султана на наслѣдство по смерти всякаго чиновника, объявилъ уничтоженнымъ обычай убивать, во избѣжаніе появленія претендентовъ

на престолъ, всѣхъ дѣтей мужескаго пола, рожденныхъ дочерьми и сестрами султановъ, положилъ начало преобразованію государственнаго управленія на началахъ европейскаго государственнаго устройства, назначилъ жалованье отъ казны чиновникамъ (1838 г.) и проч. Съ европейскими государствами Махмудъ вошелъ въ самыя тѣсныя сношенія, и старался всѣми мѣрами доказать имъ, что въ Турціи начались реформы и что она достойна войти въ составъ европейскихъ государствъ. Европейскія государства, хотя и постарались наложить на возражающуюся Турцію свою стѣснительную опеку, съ своей стороны содѣйствовали реформаторскимъ планамъ султана, насколько, впрочемъ, это входило въ виды каждаго изъ нихъ. При такомъ направленіи дѣятельности Махмуда, отношенія турецкаго правительства къ христіанскому населенію Турціи должны были бы измѣниться. Самъ Махмудъ, во время путешествія по Болгаріи и Фракіи въ 1837 г., въ видахъ пріобрѣтенія симпатій христіанскаго населенія, внушалъ всѣмъ чиновникамъ обходиться съ его христіанскими подданными также милостиво, какъ и съ магометанскими. Но какъ Махмудъ, такъ и его чиновники, при всѣхъ своихъ реформаторскихъ стремленіяхъ, оставались все-таки мусульманами и слѣдовательно фанатичными врагами христіанъ. Самыя реформы, предпринятыя султаномъ, клонились исключительно къ поддержанію колебавшагося мусульманства, и по этому существеннаго вліянія на положеніе христіанскаго населенія Турціи не могли имѣть. Словомъ, для облегченія участи своихъ христіанскихъ подданныхъ Махмудъ съ своими реформами ничего не сдѣлалъ, если не брать во вниманіе заявленій его, чтобы чиновники обращались съ ними милостиво. Поэтому, какъ въ прежнее время, такъ и при немъ, христіане испытывали много бѣдствій. Кромѣ обычныхъ притѣсненій, обуславливавшихся безправнымъ положеніемъ христіанъ въ государствѣ, христіане въ его правленіе нѣсколько разъ испытывали страшныя нападенія со стороны турокъ, клонившіяся къ поголовному истребленію ихъ. Такъ въ 1821 г., когда вспыхнуло возстаніе грековъ, турки произвели страшное избіеніе невинныхъ въ возстаніи константинопольскихъ грековъ. Тоже было и въ другихъ мѣстахъ; турки безпощадно убивали всѣхъ безъ разбора грековъ, гдѣ бы они ни попадались, грабили и опустошали церкви и т. п. Послѣ наваринскаго пораженія турецко-египетскаго флота (1827 г.), Махмудъ пришелъ въ такой гнѣвъ, что въ первый моментъ рѣшился было издать приказъ истребить всѣхъ христіанъ, проживающихъ въ Турціи. Не исполнивъ этого, онъ все-таки самъ постарался пробудить въ своихъ туркахъ фанатическую ненависть къ христіанамъ особою прокламаціею къ деревенскимъ начальникамъ. Она начиналась такъ: „если

правда, — въ чемъ каждый разумный человекъ согласится, — что мухаммедане имѣютъ враждебную ненависть къ невѣрнымъ (христіанамъ)“... И фанатическая ненависть турокъ къ христіанамъ, послѣ подобныхъ прокламацій, нисколько не ослабѣвала. Самыя реформы султана и близкія связи его съ христіанскими государствами возбуждали въ туркахъ тоже фанатическое чувство ненависти къ христіанамъ.

Преемникъ Махмуда, *Абдуль Меджидъ* (1839—1861 г.), продолжая реформы своего предѣстника, коснулся уже существенныхъ сторонъ быта христіанъ. Онъ вступилъ на престолъ въ несчастное время для Турціи. Египетскій паша Магомедъ-Али, давно уже сдѣлавшійся независимымъ, разгромилъ не задолго предъ тѣмъ турецкія войска и угрожалъ самому существованію султанской фамилии. Только европейская дипломатія спасла домъ Османовъ отъ уничтоженія. Отчасти въ благодарность за это, а главнымъ образомъ для привлеченія еще большихъ симпатій въ западно-европейскихъ государствахъ къ Турціи, правительство Абдуль-Меджида рѣшилось провозвести реформы. Министръ иностранныхъ дѣлъ *Решидъ паша*, бывавшій нѣсколько разъ на западѣ, былъ главнымъ дѣятелемъ въ этихъ реформахъ. Онъ составилъ знаменитый государственный актъ, извѣстный подъ именемъ *юльганскаго гатти-шерифа*, который, не много спустя послѣ вступленія Абдуль-Меджида на престолъ, и былъ обнародованъ съ величайшею торжественностію. Приглашены были депутаты отъ всѣхъ націй, подвластныхъ Турціи, — въ томъ числѣ отъ грековъ патріархъ съ архіереями и фанариотами, — въ кіоскъ въ Юльганъ, на берегу Мраморнаго моря, и здѣсь, въ присутствіи иностранныхъ посланниковъ, прочитанъ имъ былъ упомянутый гатти-шерифъ (въ ноябрѣ 1839 г.). Въ заключеніе султанъ и высшіе государственные чины дали присягу въ томъ, что этотъ гатти-шерифъ будетъ выполненъ. Содержаніе этого акта слѣдующее. Въ началѣ его отъ имени султана говорится, что причина упадка Оттоманской имперіи, начавшагося 150 лѣтъ тому назадъ, заключается въ пренебреженіи древними основными законами ислама. За тѣмъ предлагаются мѣры для возстановленія благосостоянія государства. Это — новыя учрежденія, заключающіяся въ томъ, что султанъ обѣщаетъ всѣмъ безъ различія своимъ подданнымъ, къ какой бы религіи или сектѣ они ни принадлежали, а) полную безопасность жизни, чести и имущества, б) правильное распределеніе и взиманіе государственныхъ податей и в) определеніе рекрутскаго набора и срока военной службы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этимъ гатти-шерифомъ уничтожались разныя злоупотребленія въ турецкомъ судѣ и администраціи, — отдача на откупъ государственныхъ налоговъ, тайная, безъ суда,

казнь чиновниковъ и вообще всѣхъ подданныхъ, отбирание въ казну имѣнія осужденныхъ при существованіи наследниковъ и т. п. Въ заключеніе гатти-шерифа высказывалась мысль, что всѣ эти реформы имѣютъ цѣлью поддержаніе религіи (т. е. ислама), правительства, націи и государства. Въ 1843 г., по единодушному настоянію европейскихъ посланниковъ, угрожавшихъ въ случаѣ отказа оставить Турцію на произволъ судьбы, Абдуль-Мелжидъ объявилъ уничтоженнымъ страшный для христіанъ законъ, по которому отступники отъ ислама казнились смертію. Въ 1854 г., по настоянію англійскаго правительства, — которое въ это время взяло Турцію подъ свою опеку и желало доказать всей европѣ, что возрождающаяся Турція достойна стать въ ряду цивилизованныхъ государствъ, — султанъ предоставилъ своимъ христіанскимъ подданнымъ право давать свидѣтельство въ уголовныхъ дѣлахъ за и противъ мусульманъ, а въ 1855 г. издалъ фирманъ, которымъ уничтожалась позорная для христіанъ поголовная подать (*хараджъ*) и замѣнялась привлеченіемъ христіанъ къ военной службѣ. Въ началѣ 1856 г. вскорѣ послѣ окончанія крымской войны, по настоянію Англии и Франціи, — желавшихъ показать, что не одна только Россія заботится объ участи восточныхъ христіанъ и что исключительныя заботы ея о нихъ излишни, — Абдуль-Мелжидъ издалъ *гатти гумаюнъ* (т. е. собственноручный декретъ), который замѣчателенъ не менѣе гюльганскаго гатти-шерифа. По этому государственному акту восточные христіане вполне сравнивались въ правахъ съ мусульманами. Въ немъ султанъ прежде всего подтвердилъ обѣщанную христіанамъ гюльганскимъ гатти-шерифомъ безопасность жизни, чести и имущества, равно какъ и послѣ предоставленныя права, затѣмъ обѣщалъ имъ еще новыя права и льготы, изъ которыхъ главнѣйшія заключаются въ слѣдующемъ. Христіане будутъ управляться не духовенствомъ своимъ, какъ было прежде, а совѣтомъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, избранныхъ изъ среды ихъ, патріархамъ и высшимъ духовнымъ лицамъ будетъ назначено жалованье отъ казны; при постройкѣ новыхъ церквей и поправкѣ старыхъ будутъ сдѣланы облегченія; свобода совѣсти будетъ для всѣхъ полная, такъ что никто не будетъ принуждаемъ перемѣнять свою вѣру (слѣдов. и мусульманинъ, принявшій христіанство); христіане будутъ допускаемы въ правительственныя учебныя заведенія, ко всѣмъ гражданскимъ должностямъ, къ военной службѣ; въ Диванѣ съ мусульманами вмѣстѣ будутъ засѣдать и представители отъ христіанъ и т. п. Даже позорныя для христіанъ названія — *глуръ*, *кафиръ*, даваемая имъ мусульманами, строго запрещались въ этомъ гатти-гумаюнѣ. — Послѣ всѣхъ этихъ узаконеній восточнымъ христіанамъ не оставалось ниче-

го болѣе желать; положеніе ихъ подѣ владычествомъ турокъ должно было сдѣлаться счастливымъ. Дѣйствительно, это и могло быть, если бы всѣ эти узаконенія были приведены въ исполненіе. Но они, къ несчастію, остались только на бумагѣ. Турецкое правительство, издавая вышеупомянутые законы, никогда серьёзно не думало объ ихъ выполненіи; оно дѣйствовало подѣ гнетомъ европейской дипломатіи и заботилось только о томъ, чтобы успокоить общаніями европейскія государства. Чтобы выполнить всѣ данныя христіанамъ общанія, турецкое правительство должно было сдѣлаться само христіанскимъ, равно какъ и всѣ турки должны были сдѣлаться христіанами, чтобы допустить такое выполненіе. Духъ и понятія турокъ, какъ мусульманъ, не допускали предположенныхъ улучшеній быта восточныхъ христіанъ. По этому всѣ гатти-шерифы и гатти-гумаюны имѣютъ значеніе пустыхъ общаній, никогда не выполняемыхъ. Это подтверждаютъ факты изъ дѣйствительныхъ отношеній къ восточнымъ христіанамъ турецкаго правительства и турокъ при Абдуль-Меджидѣ. Гюльганскій гатти-шерифъ, поразившій на первыхъ порахъ турокъ своею гуманностію, вскорѣ пробудилъ въ нихъ старый мусульманскій фанатизмъ. Они никакъ не могли примириться съ мыслию, чтобы презрѣныя гяуры сдѣлались гражданами государства, чтобы ихъ нельзя было безнаказанно грабить и убивать, какъ рабовъ, какъ враговъ ислама. Вслѣдствіе этого начались въ разныхъ мѣстахъ Турецкой имперіи возмущенія противъ христіанъ. Въ Адрианополь, Смирнѣ и во многихъ городахъ малой Азіи турки совершали вопіющія неистовства противъ христіанъ. Турецкія власти относились къ этому равнодушно. Въ Албаніи въ 1843 г. фанатизмъ турокъ выразился страшнымъ избиеніемъ христіанъ. Турки врывались въ христіанскія селенія, грабили ихъ, жгли и тѣло, даже въ городѣ Варнѣ церкви были разрушены, мужчины убиты, жены и дѣти отведены въ плѣнь. Только, по настоянію Россіи, турецкое правительство озаботилось прекратить такое кровопролитіе. Въ 1846 г. въ дѣлѣ албанскихъ мусульманъ, принявшихъ католичество, правительство Абдуль Меджида доказало, что законъ о казни отступниковъ ислама отмѣненъ только на бумагѣ; мусульмане—католики поплавились страшными истязаніями. Законъ 1854 г. о правахъ христіанъ давать свидѣтельство въ судахъ за и противъ мусульманъ также остался безъ приложенія на практикѣ. Вотъ случай, какъ турецкіе суды относились къ этому закону. Одинъ христіанинъ въ процессѣ съ туркомъ хотѣлъ сослаться на свидѣтеля христіанина. Но судья объяснилъ, что свидѣтельство христіанина противъ мусульманина не имѣетъ цѣны предъ Богомъ. Когда же христіанинъ сослался на законъ, позволявшій принимать свидѣтельство христіанъ противъ му-

зульманъ, судья возразилъ: „собака! Порта можетъ предоставлять христіанамъ всё, что ей угодно, но мы не знаемъ никакого другаго закона, кромѣ корана.“ Отъ закона 1855 г. объ отмѣнѣ поголовной подати и замѣнѣ ея военною повинностію осталось отмѣненіе не самой подати съ христіанъ, а только ея стараго названія *хараджъ*, такъ какъ и турецкое правительство, и турки никогда не могли допустить, чтобы изъ христіанъ составились отряды войскъ, которые могли бы впослѣдствіи вооружиться противъ нихъ самихъ, и потому, вмѣсто дѣйствительной военной службы христіанъ, правительство наложило на нихъ военную подать неменѣе хараджа. Гатти-гумаюнъ 1856 г. также не сопровождался никакими благотвѣтельными послѣдствіями для христіанъ; всѣ привилегіи, предоставленныя имъ, остались только обшаніями. Этотъ гатти-гумаюнъ послужилъ даже поводомъ къ пробужденію фанатизма турокъ, какъ и гатти-шерифъ. Не говоря о мелкихъ взрывахъ мусулманскаго фанатизма, сопровождавшихъ его появленіе, припомнимъ только страшную рѣзню христіанъ, произведенную друзами въ 1860 г. въ Дамаскъ и Ливанъ. Эта рѣзня была слѣдствіемъ фанатизма, возбужденнаго гатти-гумаюномъ. Замѣчательно поведеніе турецкихъ чиновниковъ въ этомъ дѣлѣ. Кромѣ того, что они допустили рѣзню христіанъ, они сами готовы были помогать кровожаднымъ друзамъ въ ихъ жестокостяхъ надъ христіанами. Собравшись въ 1860 г. въ Дамаскъ на совѣщаніе, они высказали такое убѣжденіе, что гатти-гумаюнъ противорѣчитъ духу и буквѣ корана и что настоящее тревожное положеніе дѣлъ можетъ быть улучшено только всеобщимъ истребленіемъ христіанъ. Затѣмъ, когда наряженная комиссія изъ турокъ, при участіи одного англичанина, приступила къ суду надъ друзами, турецкіе чиновники поставили дѣло такъ, что три тысячи друзовъ освобождены были отъ суда *по недостатку улики*. — Вообще турецкое правительство въ описываемыя, ближайшія къ намъ, времена ничего не сдѣлало для улучшенія быта своихъ христіанскихъ подданныхъ, хотя и издало много законовъ въ пользу ихъ. При всемъ томъ нужно сказать, что положеніе восточныхъ христіанъ въ наше время, сравнительно съ прежними вѣками, становится замѣтно лучше; но этимъ они обязаны не султанскимъ фирманамъ и не турецкимъ министрамъ — прогрессистамъ, а заступничеству европейскихъ государствъ и европейскому просвѣщенію, которое, хотя и медленно, распространяется между народами, подвластными Турціи, не исключая и самихъ турокъ.

СВ. ПРОРОКЪ ДАНИИЛЪ

и его книга

(Продолженіе).

Первая часть книги св пр. Даниила (II—VI).

1 Сонъ Навуходоносора.

Первая часть открывается повѣствованіемъ о необыкновенномъ снѣ, видѣнномъ Навуходоносоромъ и посланномъ Богомъ съ цѣлію вразумить этого земнаго могущественнѣйшаго владыку, этого главу тогдашняго политическаго міра, этого царя съ умомъ проницательнымъ и глубокомысленнымъ, вникавшимъ въ совершавшіяся тогда судьбы міра и старавшимся разяснить смыслъ и конечную цѣль ихъ. Какъ носитель и представитель въ то время міровой языческой силы, положившій конецъ, по волю Господа, царству Божію на землѣ въ его ветхозавѣтной формѣ существованія, онъ долженъ былъ узнать, но не отъ своихъ боговъ, и не своимъ умомъ, и не отъ своихъ мудрецовъ языческихъ, а отъ Бога израилева и посланника его то, что ожидаетъ впереди эту языческую силу, онъ долженъ былъ узнать, что таже языческая сила, носителемъ которой онъ былъ, и которая, по волю Господа, чрезъ него плѣнила Церковь Господню, въ свою очередь сама будетъ не только плѣнена, но и уничтожена окончательно тѣмъ же царствомъ Господнимъ, только не въ ветхозавѣтной уже формѣ проявленія его.

„Во второй годъ царствованія Навуходоносора“, такъ повѣствуется объ этомъ снѣ, „Навуходоносоръ видѣлъ сны“, видѣлъ сновидѣніе, содержащее въ себѣ много предметовъ откровенія, „и встревожился духъ его, и сонъ его оставилъ его“ и онъ, въ слѣдствіе тревожнаго, въ высшей степени смущеннаго состоянія души своей отъ видѣнныхъ сновъ, не могъ болѣе заснуть. Сновидѣніе было такъ необыкновенно и по своей особенной чрезвычайности, по своей загадочной таинственности и неумовимости въ своихъ связныхъ подробностяхъ для проснувагося царя и въ тоже время по неоступно ощутительной, для язычества мрачной предуказательности такъ было впечатлительно и глубоко-воздѣйственно, что встревоженный имъ царь приказалъ созвать книжниковъ (Евр. *chartûmmim*, слав. обаятелей LXX *ἰὲς Ἐπαοιδῆς*), ученыхъ знатоковъ таинственныхъ священныхъ письменъ и литературы (классъ людей, существовавшей и въ Египтѣ, Быт. 41, 24), *маговъ* (Евр. *aschschaphim*, отъ *schaaph*—дуть, слав. волховъ LXX—*ἰὲς μαγῶς*), людей чрезъ дуновенія совершавшихъ свои таинственныя заклинанія, *волшебниковъ* (Евр. *mekaschphim*,

слав. чародѣевъ, LXX—*ἰεὺς φαρμακῆς*), классъ людей очень распространенный въ свое время въ Вавилонѣ (Ис 47, 9. 12), равно какъ и въ Египтѣ (Исх. 7, 11), и халдеевъ, (¹) жреческій, и самый знаменитый классъ вавилонскихъ мудрецовъ (1, 4; 2, 4—10), славный своею ученостію.

Кромѣ указанныхъ четырехъ классовъ мудрецовъ, въ дальнейшей рѣчи (2, 27; 4, 4; 5, 7. 11) упоминается еще пятый классъ халдейскихъ мудрецовъ, а именно особенный классъ предсказателей, вещуновъ, *астрологовъ* (LXX и слав. газариновъ, Евр. *dasrin* отъ *desra*—судьба, лат. *fatum*), предсказывателей вообще судьбы всего совершающагося въ исторіи человечества по явленіямъ небеснымъ и въ частности судьбы каждаго челоуѣка въ отдельности по положенію и движенію звѣздъ на небѣ. Всѣ перечисленные классы мудрецовъ халдейскихъ разрабатывали, конечно, каждый преимущественно свою специальную область знанія, хотя въ то же время не отстраивали себя совершенно отъ вѣдѣній и тѣхъ знаній, которыя составляли специальную область занятія другихъ классовъ. Это видно изъ того напр., что Даниилъ и друзья его были научаемы не той или другой области спеціального знанія мудрецовъ халдейскихъ, а всей вообще мудрости халдѣйской, и изъ того еще, что высшее священническое сословіе мудрецовъ вавилонскихъ халдѣи, соответствовавшее египетской кастѣ жрецовъ, кромѣ служенія своимъ богамъ, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго, занималось еще астрологіею, мантикою, предсказаніемъ будущаго, толкованіемъ сновидѣній, пыталось путемъ заклинаній, таинственныхъ омовеній и жертвоприношеній предотвращать угрожавшее кому либо зло и низводить счастье (Keil, *Comm. ub. pr. Dan. S. 71*). Изъ того же, что въ числѣ призванныхъ къ царю мудрецовъ не упоминается о Даниилѣ и друзьяхъ его, причисленныхъ къ сословію мудрецовъ, видно, что не всѣ мудрецы были призваны къ царю, а только старшіе и наиболѣе выдававшіеся знаніемъ мудрости халдѣйской представители всѣхъ классовъ мудрецовъ вавилонскихъ, призваны были за тѣмъ, „чтобы царю изъяснили сны его,“ чтобы всѣ вмѣстѣ, употребивъ каждый въ дѣло свое спеціальное знаніе и мудрость, какъ можно точнѣе и правильнѣе опредѣлили сновидѣніе во всѣхъ

(¹) Какъ аравитянинъ былъ синонимомъ грабителя, хананеянинъ купца, такъ халдѣи были общимъ именемъ *ученаго*, не только математика, какъ полагаетъ блаж. Иеронимъ, но еще болѣе *теософа* или *жреца—теософа*. (см. прим. въ тр. К. Ак. къ кн. пр. Дан. стр 363). Здѣсь это имя употребляется въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, въ значеніи именно жреческаго высшаго класса мудрецовъ вавилонскихъ, отличнаго отъ вышеупомянутыхъ трехъ классовъ мудрецовъ.

его подробностяхъ, а равно и значеніе его, — и въ случаѣ, если сонъ предвѣщаетъ какое либо несчастіе, употребили находящіеся у каждаго класса въ рукахъ средства спеціальныя, особенныя, для предотвращенія этого несчастія, а именно халдеи какъ жрецы для умиловленія боговъ — жертвоприношенія, заклинатели — свои заклинанія, волшебники — свои волшебства и пр.

Когда призванные мудрецы пришли и предстали предъ царя, то царь сказалъ имъ: „сновидѣніе я видѣлъ и волнуется духъ мой, чтобы знать это сновидѣніе.“ Слова царя неопредѣленны, не показываютъ точно того, чего онъ именно требовалъ отъ призванныхъ мудрецовъ: разсказа ли самаго сна, или же только разъясненія смысла и значенія его? Мудрецы понимаютъ слова царскія въ последнемъ смыслѣ, а потому на заявленіе царя халдеи, какъ высшіе представители всего вообще сословія мудрецовъ, такъ отвѣчали ему по арамейски, ⁽²⁾ т. е., на языкъ восточно-арамейскомъ, или сирійскомъ, какъ діалектъ употребительнѣйшемъ, мѣстномъ въ странѣ вавилонской, діалектъ народномъ, отличномъ отъ діалекта халдейскаго (1, 5), бывшаго разговорнымъ, какъ выше замѣчено, первоначально языкомъ горнаго племени (основателя Вавилонской монархіи), а потомъ уже въ этой монархіи ставшаго языкомъ науки и жреческой касты: „царь, во вѣки живи! (формула привѣтствія, въ древнія времена обыкновенная при дворѣ вавилонскомъ и персидскомъ, употреблявшаяся при началѣ разговора съ царемъ, 3, 9; 5, 10; 6, 7. 22; Неем. 2, 3). Разскажи рабамъ твоимъ сновидѣніе и мы дадимъ объясненіе.“ На эти слова мудрецовъ отвѣтъ царя былъ такой: „слово мною изрѣчено,“ или точнѣе и соотвѣтственнѣе теченію мысли: слово отъ меня да будетъ извѣстно, да будетъ узнано: „если вы не откроете мнѣ сновидѣнія и объясненія его, въ куски будете изрублены (наказаніе въ древности у вавилонянъ употребительное 3, 29 ср. Іезек. 16, 40, иногда, во время войнъ встрѣчавшееся и у израильтянъ, 1 Цар. 15, 33) и дома ваши обращены будутъ въ помойныя ямы ⁽³⁾ (ср. 4 Цар. 10, 27). А если сновидѣніе и объясненіе его представите, дары и щедрыя на-

⁽²⁾ Арамейскій языкъ представляетъ собою одну изъ семитическихъ вѣтвей языковъ, а халдейскій принадлежитъ къ древнему арійскому языку (тр. К. Ак. прим. къ пр. Дан.). Арамейскимъ языкомъ написана вся часть книги прор. Дан., начиная съ 4 ст. 2-й гл. и кончая гл. 7-ю.

⁽³⁾ Восточные народы не ограничивались разрушеніемъ домовъ или храмовъ враговъ своихъ, но всегда при этомъ оскверняли эти мѣста обращеніемъ ихъ въ клоаки. (тр. К. Ак. 1873 г. прим. къ пер. кн. пр. Дан. с. 364).

грады и почести большія получите отъ меня. И такъ,“ требова- тельно заключилъ царь, „возвѣстите мнѣ сонъ и объясненіе его“ (2, 1—6). Требованіе царя отъ мудрецовъ рассказать ему прежде видѣнное имъ сновидѣніе, а потомъ уже представить и объясненіе его не даетъ само по себѣ права заключать то, что царь совершенно не помнилъ (4) сна и въ душѣ своей только сохранялъ темное предчувствіе его. Съ одной стороны настойчивое требованіе царя отъ волхвовъ рассказать ему сновидѣніе и въ то же время его самоувѣренное, твердо рѣшительное опредѣленіе наказанія и награды мудрецамъ—истолкователямъ; а съ другой видимо без- помощное положеніе мудрецовъ въ исполненіи царскаго требованія ясно свидѣтельствуютъ о присутствіи въ душѣ Навуходносора представленія о сновидѣніи если не полного и не подробно-отчетли- ваго, то во всякомъ случаѣ достаточнаго для того, что бы сознавать внут- ренно всякую знаменательность видѣннаго сна и въ то же время чувствовать себя въ полной безопасности отъ обмана какимъ либо вымышленнымъ отъ жрецовъ сновидѣніемъ, что изъ дальнѣйшаго повѣствованія еще яснѣе выступаетъ на видъ. Поэтому обращен- ное къ мудрецамъ требованіе царя рассказать ему его же снови- дѣніе должно быть понимаемо какъ въ смыслъ желанія—воскресить въ памяти позабытыя подробности сна и чрезъ то возстановить въ своей душѣ полный и цѣлый образъ сновидѣнія, такъ и въ смыслъ пробы, которую хотѣлъ произвести царь надъ проницательностію мудрецовъ, чтобы чрезъ то найти для себя вѣрное ручательство за правильность истолкованія сна въ истинномъ его смыслѣ и значеніи.

Если мудрецы вавилонскіе славились знаніемъ открывать, при со- дѣйствіи боговъ, тайное и сокровенное, то для нихъ, естественно могъ заключать Навуходносоръ, должно быть также легко рассказать самое сновидѣніе, какъ легко истолковать и смыслъ его; если же они безсильны въ раскрытіи видѣнныхъ другими сновидѣній, то есте- ственно не вѣрить „въ истинность ихъ истолкованій сновъ, какъ истолкованій, представляемыхъ людьми, очевидно не обладающи- ми видѣніемъ таинъ. Это требованіе ставитъ мудрецовъ въ затруд- нительное положеніе; они не въ состояніи проникнуть въ тайну

(4) Не можетъ служить подтвержденіемъ этого полного запамято- ванія сна царемъ и выраженіе 2 гл. ст. 1: „Навуходносоръ видѣлъ сны (chalomoth) и сонъ его (schenato) оставилъ его“, потому что слова: „и сонъ его оставилъ его“ означаютъ, какъ выше было за- мѣчено, не то, что сонъ не давался памяти по пробужденіи Навухо- дносора, а то, что отъ тревожнаго состоянія, въ которое пришолъ Навуходносоръ, увидѣвъ сновидѣніе, онъ проснувшись, не могъ бо- лѣе заснуть.

сновидѣнія и разсказать его, а потому, уклоняясь отъ этого требовація и какъ бы игнорируя его, они вторично просятъ царя разсказать имъ сновидѣніе, послѣ чего они съ своей стороны дадутъ объясненія его, — и такую вторичную свою просьбою открыто обнаруживаютъ сознание своего безсилія въ данномъ случаѣ. Потому на просьбу мудрецовъ царь отвѣчалъ такъ: „теперь я точно знаю, что вы только время выигрываете,“ повтореннымъ выпытываніемъ отъ царя сновидѣнія хотите только затянуть дѣло и отдалить время своей казни; „поелику видите, что мною возвѣщено такое слово (см. ст. 5): если не разскажете мнѣ сновидѣнія, то приговоръ одинъ вамъ,“ то васъ постигнетъ не какое либо другое, а именно выше-сказанное опредѣленіе страшной казни; „потому что,“ продолжаетъ онъ, обосновывая и раскрывая предшествующія свои слова, вы, не обладая силою въ данномъ случаѣ постигнуть тайное и сокровенное, „собираетесь сказать предо мною что-то лживое, хитрое,“ предумышаете дать мнѣ какое либо фальшивое и замысловатое объясненіе сна, — придумываете, выжидая „пока между тѣмъ перемѣнится время,“ пока или самъ царь выскажетъ что либо опредѣленное относительно видѣннаго имъ сна, или вы сами по какому нибудь случайному обстоятельству получите возможность хоть сколько нибудь проникнуть въ совершенно до селѣ непроницаемую для васъ тайну загадочнаго сновидѣнія. „Итакъ,“ чтобы вашему толкованію могла быть дана полная вѣра и вы спаслись отъ страшной казни, еще разъ (см. ст. 6) рѣшительно заключаетъ свой отвѣтъ царь, подтверждая такимъ рѣшительнымъ, вполне контролирующимъ тономъ своей рѣчи то, что онъ помнитъ, хотя, несомнѣнно, и въ туманѣ, основной обликъ сновидѣнія и обмануть его выдуманымъ сномъ нельзя, „разскажите мнѣ сонъ, и я буду знать, что вы можете дать объясненіе его“ (2, 7—9). Такое повторенное грозно настоятельное требованіе восточнаго владыки разсказать именно сновидѣніе прежде всего, а потомъ уже и объясненіе сновидѣнія вынуждаетъ наконецъ мудрецовъ халдейскихъ прямо и искренно сознаться въ томъ, что разсказать сна они не могутъ. Но сознаваясь въ своемъ безсиліи въ данномъ случаѣ, они въ тоже время стараются оправдать это безсиліе, они говорятъ, что царь требуетъ отъ нихъ, какъ существъ по своей человѣческой природѣ слабыхъ и ограниченныхъ, невозможнаго, что „нѣтъ человѣка на сушѣ, который слово царя могъ бы исполнить, требуетъ того, чего „никакой царь, ни вельможа или властелинъ не спрашивалъ ни отъ какого книжника, мага и халдея,“ требуетъ вещи, которая „трудна,“ не по силамъ слабымъ существамъ человѣческимъ, и нѣтъ никого, кто могъ бы объяснить ее предъ царемъ, за исключеніемъ боговъ, жилища которыхъ нѣтъ между смертными“ и которые, какъ существа вѣмѣрные, по

своей божеской природѣ, существенно отличны отъ смертныхъ ограниченныхъ существъ, обитающихъ на землѣ (2, 10—11).

Сознаніе мудрецовъ въ своемъ безсиліи раскрыть сновидѣніе и соединенное съ этимъ сознаніемъ самооправданіе тѣхъ же мудрецовъ только дочрезвычайности раздражило восточнаго гордаго деспота, не терпѣвшаго никакихъ отказовъ и самооправданій со стороны своихъ рабовъ подданныхъ. Какъ разгнѣванный деспотъ, въ порывахъ ярости нисколько не дорожащій жизнью своихъ подданныхъ, кто бы они ни были, царь „приказалъ погубить всѣхъ мудрецовъ вавилонскихъ“ т. е. всѣхъ мудрецовъ, какіе только были въ Вавилонѣ, какъ столицѣ и резиденціи царя, не касаясь, по всей вѣроятности, мудрецовъ всего царства Вавилонскаго, наприм. мудрецовъ, жившихъ коллегіями въ Гиппаренѣ, Орхѣ, Борзиннѣ (Keil, Comm. ub. Dan. s. 77). Изданъ былъ указъ и убивали мудрецовъ; искали также убить Даниила и товарищей его. Исполненіе смертнаго приговора возложено было на начальника царскихъ телохранителей Аріоха. Представъ предъ Аріоха, вышедшаго на умерщвленіе мудрецовъ вавилонскихъ, Данииль, ревнуя о своей и своихъ друзей безопасности, а равно и о славѣ Божіей, на изданный царскій смертный приговоръ относительно всѣхъ мудрецовъ вавилонскихъ, „возражалъ съ совѣтомъ и разумомъ.“ Свою совѣтливость и разумность Данииль проявилъ, разумѣется, въ томъ, что, обстоятельно узнавъ отъ Аріоха причину столь грознаго царскаго повелѣнія, благоразумно совѣтовалъ ему не спѣшить исполненіемъ царскаго указа, подѣ влияніемъ твердой вѣры въ Бога и Его чудодѣйственную всемогущую помощь, уже разъ проявленную такъ знаменательно въ дѣлѣ питанія отроковъ (гл. 1, 12—15), основательно и убѣдительно указывая на вѣроятную возможность исполненія царскаго желанія относительно раскрытія и истолкованія загадочнаго сновидѣнія. Въмѣстѣ съ этимъ Данииль, конечно, просилъ Аріоха, чтобы послѣдній представилъ его царю. Представленный предъ царя Аріохомъ⁽⁵⁾ Данииль „просилъ у царя, чтобы онъ далъ ему время для представленія объясненія царю.“ Какъ видно изъ послѣдующей рѣчи, просимое время было дано и начатое исполненіе приговора смертнаго надъ мудрецами было пріостановлено. (2, 12—16).

Заручившись позволеніемъ царя, Данииль вошелъ въ домъ свой и передалъ это обстоятельство Ананіи, Мисаилу и Азаріи, чтобы они просили милости отъ Бога небеснаго по поводу тайны сей,⁽⁶⁾ чтобы вмѣстѣ съ нимъ — Данииломъ молили усердно Господа о все-

(5) Данииль приводится къ царю Аріохомъ потому что, по свидѣнію Геродота, относительно халдейскихъ царей (1, 99) и персидскихъ (111, 18), кромѣ ближайшихъ, непосредственныхъ слугъ, къ восточному владыкѣ никто не имѣлъ прямого доступа. Comm. Keil. 81.

милосердномъ открытіи таинственнаго сна и смысла его. Побужденіемъ къ молитвѣ должно было служить предохраненіе себя отъ гибели вмѣстѣ съ остальными мудрецами вавилонскими. Разумѣется, особенно въ виду грозно-стоявшей опасности, и въ виду наиболѣе удобнаго случая къ славному самооткровенію Бога израилева, молитва Даниила и друзей его къ Богу была самая усиленная и пламенная, и Господь сію пламенную и усиленную молитву своихъ вѣрныхъ и непоколебимыхъ чтилелей услышалъ. Даниилу, когда онъ находился въ бодрствениомъ состояніи, „въ видѣніи ночномъ открыта была тайна;“ и дѣйствіемъ Даниила, по откровеніи ему тайны, было возблагодареніе Бога небснаго за сіе всемилостивое откровеніе и прославленіе Его за ту высочайшую мудрость и силу, которая онъ проявилъ въ показанныхъ тайнахъ сего откровенія. „Пусть будетъ имя Божіе благословенно отъ вѣка и до вѣка, потому что ему принадлежитъ мудрость и сила,“ и въ порывахъ религіознаго восторга прославлялъ Бога Данииль. Богъ, многократно и многообразно открывающій себя міру и въ дѣнномъ случаѣ, именно въ посланіи Навуходоносору знаменательнаго сна, въ открытіи его Даниилу и въ чрезвычайномъ значеніи смысла его обнаружившій себя какъ единственное существо, владѣющее истинною высшею мудростію и силою, достоинъ вѣчнаго прославленія за сію мудрость и силу, свидѣтелемъ которыхъ служитъ данное царю и открытое Даниилу сновидѣніе. Какъ сновидѣніе, предвѣщающее о великихъ переворотахъ въ чловѣчествѣ и говорящее о вѣрховномъ владычествѣ Господа надъ предвозвѣщаемыми переворотами и всеми судьбами міра вообще всѣхъ временъ и въ частности судьбами каждаго болѣе определеннаго и потому болѣе тѣснаго періода времени, оно свидѣтельствуегъ о *силѣ Божіей*; оно говоритъ, что по своей волѣ и власти Богъ „перемѣняетъ времена и сроки“ и это всевластное и неограниченное измѣненіе временъ и сроковъ проявляетъ въ томъ, что „низводитъ царей и ставитъ царей.“ А какъ сновидѣніе, ниспосланное самимъ Господомъ царю, и по своему содержанію, и по своему значенію совершенно недоступное для мудрости чловѣческой, и только Самимъ ниспославшимъ открытое и разясненное Даниилу, оно свидѣтельствуегъ о *мудрости Божіей*, свидѣтельствуегъ о томъ, что Господь, обладая одинъ истинною, совершеннѣйшею премудростію, „даегъ мудрость мудрецамъ, и познанія имѣющимъ разумъ,“ что „онъ открываетъ (людямъ) глубокое и сокровенное (отъ ума чловѣческаго), знаетъ то, что таится во мракѣ, и у Него живетъ свѣтъ,“ и у Него только одного, какъ первоисточника мудрости и вѣдѣнія, обитаетъ это совершеннѣйшее, ни отъ кого не заимствованное вѣдѣніе всего существующаго и бывающаго, — вѣдѣніе, по временамъ и отчасти сообщаемое имъ избраннымъ своимъ, какъ

напр. въ данномъ случаѣ сообщенное относительно таинъ знаменательнаго сновидѣнія Даниилу. За сіе послѣднее, т. е. за сообщеніе Даниилу таинъ сновидѣнія Господь достоинъ особаго прославленія со стороны самого же Даниила; почему благодарственная молитва и заканчивается слѣдующимъ славословіемъ со стороны Даниила. „Тебя, о Богъ отцовъ моихъ, благодарю и славлю я, что мудрость и силу далъ ты мнѣ и открылъ мнѣ, чего мы просили у тебя, чтобы слово царя ты повѣдалъ намъ“ (2, 17—23)

Возблагодаривъ Бога за данное откровеніе и прославивъ его, Даниилъ спѣшитъ къ Аріоху и прямо и положительно говоритъ ему, чтобы онъ, на время данной царемъ отсрочки Даниилу для разясненія сна приостановившій исполненіе смертнаго приговора надъ мудрецами, теперь совершенно оставилъ безъ исполненія окончательнаго этотъ приговоръ и отвелъ его къ царю, обѣщаясь раскрыть предъ нимъ (царемъ) сонъ и значеніе его. Дѣло было весьма важное. И грозный царь, мучившійся неразрѣшимую и въ тоже время неотступною тайною сна загадочнаго, и цѣлое многочисленное и знатное сословіе обреченныхъ на смерть мудрецовъ вавилонскихъ, и самъ Аріохъ — исполнитель смертной казни, и наконецъ всѣ остальные близкія къ царю и хорошо знакомыя съ придворными вѣстями и государственными событіями лица — все это, разумѣется, находилось въ крайне возбужденномъ и трепетно-ожидательномъ положеніи. По этому какъ скоро Даниилъ заявилъ предъ Аріохомъ, чтобы онъ ввелъ его къ царю, гдѣ онъ раскроетъ значеніе сна; то Аріохъ, немедля, тотчасъ же ввелъ его предъ царя съ слѣдующими словами: „я нашелъ человека изъ плѣнниковъ іудейскихъ, который скажетъ объясненіе царю.“ Важность дѣла требовала краткости рѣчи, поэтому-то Аріохъ въ своемъ доношеніи царю и умалчиваетъ о предъидущемъ явленіи Даниила предъ лице царя и испрошеніи имъ у Навуходносора отсрочки и приостановки исполненія смертнаго приговора надъ мудрецами, что было и излишне въ отношеніи къ царю, безъ сомнѣнія, хорошо помнившему все это. Не распространяясь много, начальникъ царской стражи прямо доноситъ ему только о томъ главномъ, что занимало мысль царя, доноситъ о найденной возможности узнать смыслъ загадочнаго, не разрѣшаемаго и не раскрытаго всѣми въ собственномъ и строгомъ смыслѣ мудрецами вавилонскими сновидѣнія, — и узнать именно отъ одного изъ тѣхъ иноплеменниковъ, мудрости которыхъ разъ уже удивлялся Навуходносоръ, давая имъ, какъ своимъ потомцамъ, экзаменъ и по этому экзамену нашедши ихъ въдесятеро умнѣе и мудрѣе всѣхъ мудрецовъ вавилонскихъ (2, 24, 25).

Для царя язычника, ставившаго, конечно, мудрость отечественную, славную мудрость вавилонскую выше всякой мудрости иноплеменной, могло, естественно, на первый разъ показаться страннымъ и изумительнымъ то, чтобы иноплеменникъ, хоть бы впрочемъ наученный и всей мудрости вавилонской, заявившій себя особенно свѣ-

душимъ въ этой мудрости и вообще показавшій себя весьма мудрымъ, могъ одинъ открыть то, чего не могло открыть цѣлое собраніе представителей всѣхъ классовъ мудрецовъ вавилонскихъ. Поэтому въ отвѣтъ царя на донесеніе Аріоха, — отвѣтъ, обращенномъ прямо къ Даниилу, извѣстному для царя подъ вавилонскимъ именемъ Белтешацаря (Валтасара), слышится изумленіе, смѣшанное съ недовѣріемъ: „можешь ли ты,“ говорилъ Навуходоносоръ Даниилу, действительно ли ты можешь „сказать мнѣ сновидѣніе, которое я видѣлъ, и объясненіе его.“ Данииль съ своей стороны находитъ изумленіе и недовѣріе царя вполне законными и основательными. Видѣнное симъ владыкою загадочное сновидѣніе действительно таково, что людская мудрость, какъ бы она высока, глубока и широка ни была, сама по себѣ, безъ особеннаго просвѣщенія Божія, всегда должна была оказаться безсильною въ разрѣшеніи тайны. „Тайну, о которой царь спрашиваетъ,“ говоритъ Данииль Навуходоносору въ отвѣтъ на его вопросъ, полный изумленія, „не могутъ открыть царю ни мудрецы, ни маги, ни книжники, ни астрологи. Но есть на небѣ Богъ, открывающій тайны,“ продолжалъ Данииль, „и Онъ,“ какъ только одинъ обладающій этими тайнами, не доступными, ни для естественной, человѣческой мудрости, ни для языческихъ боговъ, — этихъ обитателей не неба, а земли, ни для мудрецовъ — чтителей сихъ боговъ, „возвѣщаетъ царю Навуходоносору, что имѣетъ быть въ концѣ дней“ существованія и господства на землѣ языческой власти и наступленія и раскрытія на тойже землѣ царства Христова, — возвѣщаетъ именно чрезъ сонъ, полный видѣній, знаменательныхъ откровеній, данныхъ Богомъ въ отвѣтъ на глубокія думы, занимавшія голову царя относительно послѣдующихъ дней, или послѣдующей судьбы созданной имъ языческой власти и всемірнаго господства на землѣ. Такимъ образомъ сновидѣніе, по указанію Даниила, было ниспослано Навуходоносору Богомъ и по поводу именно возникшихъ въ душѣ Навуходоносора на ложѣ его мыслей о томъ, „что имѣетъ быть послѣ настоящаго.“ Какъ ниспосланное Богомъ, оно по своему значенію и смыслу можетъ быть разъяснено только Богомъ же. Поэтому и Данииль самъ если и получилъ откровеніе тайны сна, то не чрезъ свою человѣческую мудрость, хотя бы владѣлъ ею больше всѣхъ живущихъ, а по особенному чрезвычайному озаренію и вразумленію Божію, — получилъ отъ Бога для того, чтобы сказать объясненія царю и чтобы царь „зналъ мысли сердца“ своего, чтобы въ его душѣ вполне разъяснились тѣ тревожныя, смутныя представленія, тѣ темныя предчувствія, которыя наполняли его душу и мучили его въ вѣдствіе видѣннаго имъ сновидѣнія (2, 26—30).

Редакторъ, Каѳедральный Протоіерей *Харалампій Романскій*.

Печатать дозволяется. Цензоръ, Протоіерей *Димитрій Правдинъ*.

Въ типографіи рязан. губер. правленія.